

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

БУЙДИН ОЛЕГ
*Командировка
в Армению*
с. 1

ГОЛИКОВ
ВЛАДИМИР
Опер-поэт и хулиганы
с. 3

ГОРДЕЕВА ТАТЬЯНА
Полиция, нотариус!
с. 4

КАРПЕНКО
АЛЕКСАНДР
*Изловил агента, или
история из жизни
Достоевского*
с. 5

КУЗЬМИН АНДРЕЙ
Эхо ушедшей войны
с. 6

ПЕТРОВ МИХАИЛ
*Детектив: кражи и
убийства от Шерлока
Холмса до Колобка и
Пикачу*
с. 13

ПООЛЬ ВЛАДИМИР
*Загадочная смерть
президента — поэта»*
с. 15

СОЛДАТЕНКО
АЛЕКСЕЙ
Сократ
с. 25

ЧУРСИН ЮРИЙ
Неснятое кино
с. 32

БУЙДИН ОЛЕГ

7 декабря 1988 года в Армении произошло сильнейшее землетрясение силой 10 баллов. Погибло и получило ранения огромное количество людей. Сильнее всего пострадали от землетрясения города Кировакан, Ленинакан и Спитак, при этом Спитак был практически полностью разрушен.

Уже в январе 1989 года в Армению были направлены строительные бригады из многих городов и республик Советского Союза, в т.ч. там начали работать строители из Эстонии.

Спитак. Декабрь 1988 года

Спасательные работы в Спитаке

В мае 1989 года меня вызвал к себе в кабинет начальник ОБХСС УВД города Таллинна (я в то время работал инспектором ОБХСС) и сказал, что из МВД ЭССР поступило указание направить в командировку в Спитак одного инспектора ОБХСС для контроля за работой строителей из Эстонии. В командировку я ехал на месяц, с 1 по 30 июня, после чего меня должен был сменить другой сотрудник нашего отдела (сейчас я уже не помню, кто именно).

Командировка в Армению

Из аэропорта Еревана я добрался до города Спитак на автобусе. Обратил внимание, что, несмотря на землетрясение, пассажиры вели оживлённые разговоры и грустных лиц не было, хотя за окном то и дело мелькали разрушенные дома.

Если Ереван лежал в долине, и температура там днём доходила до 35°, то в Спитаке, который находился в горах, температура едва превышала 20° и часто шли дожди. Погода мне очень напоминала наш прибалтийский климат с частыми дождями и прохладным воздухом. Местные армяне называли Спитак и его окрестности «армянской Сибирью». Я так понял, что зимой там было довольно холодно, в отличие от других регионов Армении.

Сойдя с автобуса, я выяснил у местных жителей, где находится отдел милиции. Он представлял собой комплекс из нескольких вагонов-домиков, в одном из которых располагалась дежурная часть. Дежурный встретил меня довольно прохладно, сказав, что рабочий день уже закончился, все сотрудники отделения БХСС ушли и он мне ничем помочь не может. На мое счастье тут приехали с вызова прикомандированные к этому отделу сотрудники патрульно-постовой службы из Саратова и согласились отвезти меня в лагерь эстонских строителей.

В лагере я стал искать, к кому обратиться. Из одного вагона-домика слышалась громкая музыка и доносились голоса. Зайдя в него, я увидел накрытый стол и сидевших за ним мужчин и женщин. Они спросили меня, кто я такой и что мне здесь нужно. Я объяснил, что меня направили в командировку от милиции Таллинна, и спросил, где я могу расположиться. В ответ услышал, что рабочий день закончился и они отдыхают. Стоящий рядом со мной сотрудник саратовской милиции предложил поехать к ним в лагерь, а утром отвезти меня в местный отдел милиции. Но тут один из сидевших за столом мужчин (как я позднее узнал, это был комендант лагеря) сказал: «Ладно, садись за стол, раз приехал, что-нибудь придумаем».

Мне тут же налили стакан водки, поставили закуску, и я расположился за столом. От выпитой водки и усталости с дороги меня разморило, и я задремал, сидя, прислонившись к стене. Поздно ночью, когда все разошлись по своим спальным местам, комендант разбудил

меня и отвёл в вагон-домик, где мне предстояло жить этот месяц.

Вагон был рассчитан на четырёх человек. В нём было четыре спальных места: два верхних и два нижних, столик и две тумбочки.

В этом вагон-домике уже жили двое командированных из Эстонии – Александр и Виктор, которые являлись членами пожарной команды. Они приехали из Таллинна на пожарной машине, в которой было всё необходимое снаряжение для тушения пожаров. Правда, за всё время моего пребывания в лагере их умения в тушении пожаров не пригодились. Зато благодаря тому, что в их распоряжении была пожарная машина, мы в выходные дни могли поехать по окрестным городам и даже один раз съездили в Ереван.

Больше к нам никого не подселили, и до конца моей командировки мы жили в вагон-домике втроём.

На следующий день после моего приезда за мной заехал на машине сотрудник местного отделения БХСС Роман (как позже я узнал, он один был наполовину русский а остальные работники БХСС были армяне, хотя все говорили по-русски чисто, но с небольшим акцентом).

Местное отделение БХСС располагалось в отдельном вагон-домике, разделённом на две части. В одной части был кабинет начальника (его имени я не запомнил, но помню фамилию – Тер-Петросян), а в другой части – кабинет остальных сотрудников отделения БХСС. Кроме начальника и Романа, который меня привёз, было ещё три сотрудника со своеобразными армянскими именами: Акоп, Сироп и Самвел. Видя, как я пытаюсь запомнить их имена, Самвел сказал мне: а зови меня просто «Гиви, дорогой», так проще запомнить».

Рабочий день у ребят начинался очень своеобразно. Утром по будним дням Роман заезжал за мной в лагерь и привозил в отделение БХСС. В кабинете, где сидели Акоп, Сироп, Самвел и Роман, стояла двадцатилитровая канистра коньяка (такая, в которую обычно наливают бензин). Они наливали себе почти по полному 200-граммовому стакану, отламывали небольшой кусок лаваша и, выпив до дна и закусив лавашом, садились в легковые машины (как я понял, все машины были личные) и разъезжались по делам.

В первый день я тоже выпил со всеми стакан коньяка, но в последующие дни отказывался, сказав, что мне с утра пить непривычно и я теряю работоспособность. Ребята отнеслись к этому с пониманием и перестали предлагать мне по утрам коньяк. Кстати, в начале моей командировки канистра была

почти полная, а к моему отъезду она опустела и была заменена на новую полную.

В обед все опять собирались вместе (кроме начальника отделения) и шли обедать в какой-нибудь ресторан. Там обычно заказывали или шашлык, или люля-кебаб, лаваш и зелень: лук, петрушку, кинзу и базилик, который армяне называли «рыган». Иногда кто-нибудь из сотрудников сам привозил из ресторана блюда с шашлыками или люля-кебабом, зеленью и лавашом. Тогда обедали в кабинете. Если в ресторане только обедали и не выпивали, то в кабинете в обед обычно принимали по стакану коньяка и потом пели песни на армянском языке. Особенно мне запомнилась одна песня, в которой были слова: «Ой, Серун, Серун». Когда я спросил Самвела, кто такой этот Серун, про которого он так вдохновенно пел, он сказал мне: ара (ара по армянски – друг), Серун – это по-армянски красавица, а не имя, как ты подумал».

Что касается моих рабочих обязанностей, то они заключались в том, что я ездил вместе с кем-то (обычно это был Роман) и стоял рядом с важным видом, пока он о чём-то говорил с людьми по-армянски.

Только один раз я по просьбе Романа поучаствовал в контрольной закупке. Мне нужно было в одном маленьком магазине купить ящик пива по цене, которую мне скажет продавец, и заплатить ему помеченными деньгами (деньги были помечены специальным карандашом, знаки проявлялись при освещении ультрафиолетовыми лучами). Продавец магазина был армянин на голову выше меня (мой рост 173 см) и в три раза толще меня. Когда я заплатил за пиво полученными от Романа деньгами указанную им сумму, и он вынес мне со склада ящик пива, я предъявил ему своё служебное удостоверение и сказал, что это контрольная закупка. Продавец схватил ящик с пивом и попытался утащить его обратно на склад. Я схватился за ящик (он был пластмассовый) с другого края и потащил его в свою сторону, но силы были не равны, и я потихоньку вместе с ящиком дрейфовал к складу. На моё счастье, в это время подошёл Роман, который до этого стоял за дверью магазина, продавец сразу сник и поставил ящик на прилавок. Роман оформил какие-то бумаги, посадил продавца в машину рядом с собой на переднее сиденье, а я сел на заднее. По дороге они о чём-то оживлённо беседовали, при этом продавец оглянулся и как-то странно посмотрел на меня.

Когда Роман отпустил продавца из отделения, и мы остались одни, я спросил, о чём они говорили. По словам Романа,

продавец сказал, что мне повезло и он не успел прихлопнуть меня как муху. На что Роман ответил, что это продавцу повезло, что он не затеял со мной драку, так как «у этого парня (то есть у меня) чёрный пояс по каратэ». Надо сказать, что до работы в милиции я действительно чуть больше года занимался каратэ, но не успел получить даже жёлтый (самый первый) пояс.

Немного хочется рассказать о манере езды моих знакомых армян по дорогам. Поскольку Спитак находится в горах, то дороги там в основном такие: с одной стороны – горная стена, а с другой – пропасть. Дорога в основном извилистая, прямых участков мало. По этим серпантинам ребята (в основном я ездил с Романом) носились с такой большой скоростью, что только покрывки свистели. Я со страха старался в окно не смотреть, тем более зная, что перед поездкой водитель выпил стакан коньяка.

В городах (Ленинакане и Кировакане), где работали светофоры, все ездили не только на зелёный, но и на красный свет. Когда я спросил Романа, почему он проезжает на красный свет светофора, он ответил: «Красный – это наш цвет, цвет нашего знамени, наши отцы и деды за него кровь проливали». А на мой вопрос, почему он не пропускает пешеходов на пешеходном переходе, сказал, что пешеходов никто не пропустит, даже если они идут на зелёный свет светофора, и если пешеход хочет перейти дорогу, то он должен закрыть глаза, чтобы не видеть машин, идти через дорогу и при этом энергично махать руками, тогда его пропустят.

Кстати, несмотря на такую своеобразную езду на машинах, аварий там почти не бывает, так как водители знают, что правила дорожного движения почти никто не соблюдает, и учитывают это.

Ещё я заметил, что ни Роман, ни другие ребята из отделения БХСС никогда нигде не платили, в том числе за обеды в ресторане или за бензин на заправочных станциях. Когда я спросил Романа, не боится ли он, что на него пожалуются начальству, что он не платит денег, он ответил: «Если я заплачу, например, в ресторане, то хозяин ресторана (а там в то время рестораны были в основном частные) пойдёт и повесится, так как подумает, что я что-то против него замышляю».

Ещё Роман рассказывал мне, что у них, чтобы попасть на работу в ОБХСС, нужно заплатить 10 000 рублей (по тем временам это стоимость нового автомобиля «Жигули»), но он сам не платил, так как у него отец работал большим начальником (где именно, он не уточнил).

Эту же информацию мне в дальнейшем подтвердил Самвел (он же «Гиви, дорогой»), только сказал, что тоже не смог заплатить такую сумму, поэтому после окончания школы милиции два года работал в Ростове в уголовном розыске, откуда потом через знакомых оформил перевод на работу в город Спитак, в отделение БХСС, но уже за намного меньшую сумму.

Когда моя командировка уже подходила к концу, я стал беспокоиться о том, что никакой проверки лагеря эстонских строителей проведено не было и мне и не о чем будет докладывать своему руководству. Я сказал об этом Тер-Петросяну. Он пообещал подумать об этом.

На следующий день после этого разговора он собрал у себя в кабинете Акопа, Сиропа, Самвела и Романа, а также пригласил меня, сказал, что на следующий день утром будет проверка лагеря эстонских строителей, и объяснил каждому сотруднику его задачу (всем,

кроме меня, на армянском языке). Моя задача была очень простая: во время проверки стоять около заправочной станции лагеря, следить, чтобы во время проверки никто не заправлялся бензином или соляркой, и зафиксировать конечные цифры на автоматах для заправки. В этот день никто из ребят перед проверкой коньяк не пил.

Приехав в лагерь эстонских строителей, все разошлись по своим объектам на территории лагеря, а Тер-Петросян попросил главного бухгалтера лагеря предоставить ему необходимые документы. Проверка прошла довольно быстро, больших нарушений выявлено не было, а Тер-Петросян составил акт о проверке с указанием выявленных недочётов.

Через пару дней мне нужно было уезжать, и я попросил ребят купить мне несколько бутылок хорошего армянского коньяка, чтобы забрать его в Таллинн, так как в магазинах в продаже был толь-

ко самый простой коньяк 3 звёздочки. Накануне моего отъезда ребята привезли мне несколько бутылок разного коньяка: «Ереван», «Ахтамар», «Наири» и «Юбилейный». Когда я спросил сколько эти бутылки стоят, они сказали, что мне – бесплатно. Я отказался брать коньяк на таких условиях. Тогда они назвали какую-то маленькую сумму, которая была явно меньше стоимости даже одной бутылки коньяка. Я отдал им эту сумму (не помню точно, сколько рублей это было, кажется, 10).

Поблагодарив ребят, я попрощался с ними и оставил им свой домашний адрес в Таллинне. Прошло два или три месяца, и в моей квартире в Таллинне раздался звонок. На пороге стояли Акоп, Сироп и Самвел («Гиви, дорогой»). А у нас в гостях случайно в это время находилась подруга жены Лена из города Калинин (теперь это город Тверь). Однако это уже совсем другая история.

ГОЛИКОВ ВЛАДИМИР

Опер-поэт и хулиганы

Одно из реальных воспоминаний из моей практической работы, когда для разрешения одной щекотливой ситуации мне понадобилось не табельное оружие, не какие-то приемы борьбы или специальные средства, а... стихи.

Лето 1977 года, примерно два часа ночи, Ленинский РОВД. Я – дежурный опер. Оперативный дежурный Бенно Мяэ направляет меня в район Нымме, где по поступившей через «02» информации неизвестные пытаются проникнуть в помещение детского садика. Коллеги из ОУР подтвердят мои слова о том, что в те времена на подобные вызовы выезжал опер, водитель и, в лучшем случае, если есть, член экипажа. В данном случае мне пришлось выехать на автомашине ГАЗ-69 с милиционером-водителем Геннадием Короненом. Как частенько бывало, информация о проникновении не подтвердилась, о чем было доложено оперативному дежурному. Возвращаясь на базу, мы получили от оперативного дежурного приказ проверить адрес в районе Центрального рынка на улице Ластекоду, где якобы шумят соседи. По прибытии на место осуществлять проверку адреса мне пришлось одному, поскольку по инструкции водитель должен оставаться на радиосвязи в машине. Проверяемая квартира находилась на втором этаже двухэтажного дома, который располагался во дворах напротив главного входа на Центральный рынок. Поднявшись на второй этаж дома к двери нужной квартиры, услышал громкие голоса и музыку. Дверь квартиры не была закрыта на замок, и я вошел. Квартира была слабо освещена, я услышал, как позади на входной двери щелкнул замок.

Маленькое отступление. Ветераны знают, что в те времена оперативные работники даже во время дежурств были в гражданской одежде. Только спустя какое-то время поступил приказ об обязательном ношении форменной одежды для оперативных сотрудников во время дежурств.

Итак, в квартире находились шесть-семь молодых парней и пять девочек. На первый взгляд, среди подростков были обкуренные. Учитывая закрытую на ключ входную дверь, в этой щекотливой ситуации надо было импровизировать. Прежде всего – избрать объект психологического воздействия. Я предложил присутствующим прочесть их любимые стихи, но все молчали.

Тогда я предложил им послушать стихи, которые прочитаю сам, и декламировал стихотворение о девчонках, а в процессе чтения подходил к ним все ближе и ближе.

*Девчонки! Ну куда вы смотрите?
Поэтам вы на растерзанье отданы.
Вы на планете только воздух портите...
Как вам не стыдно, вы же Евой созданы.
Идёте вы, молоденькие, статные,
Краса и нежность ваша в песнях славится, а вы
В шестнадцать лет уж вдребезги развратные,
И вам как будто это очень нравится.
Те, кто для вас весь мир, все счастье создали,
Хотели видеть вас такими? Нет! Не такими,
А другими – смелыми, романтиками юными всегда
Чтобы руками сильными, умелыми
Вы создавали голубые города.
А вы плетётесь, раскачивая бёдрами,
Держа во рту окурки папирос,
В пустых башках, как с манекена вами содранный,
Один лишь пышно сделанный начёс.
Вам наплевать на всё, чем это кончится.
У вас одна забота до конца –
Чтобы на танцах в рок-н-ролле корчиться
В объятиях сопливого юнца...
Так слушайте меня, вы, язвы всенародные,
Одно лишь я могу вам пожелать:
Задрать бы ваши юбки ультрамодные
Да и не словом, а ремнём покрепче отодрать.*

Закочив со стихами, я представился сотрудником милиции, а поскольку был в гражданской одежде, предложил покинуть квартиру и не беспокоить соседей. В комнате царил молчок, но я услышал, что щёлкнул замок входной двери. Выйдя из квартиры, я сел в машину и стал наблюдать, как из подъезда выходили вначале девчонки, а потом и парни. По поводу этого адреса был подан рапорт и сделано сообщение на утренней пятиминутке.

НЕ НАРУШАЮ ЛИ Я ПРАВИЛА И НЕ ВРЕЖУ ЛИ ЧЬИМ-ТО ИНТЕРЕСАМ? – ДУМАЮ Я, ПРЕДАВАЯ ОГЛАСКЕ ВОСПОМИНАНИЯ. РЕШИЛА ЧТО-ТО РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ИЗ ПРОШЛОГО ОПИСАТЬ. НУ, НАПРИМЕР, КАК ИЗ-ЗА МЕНЯ ИЗМЕНИЛИ ЗАКОН О НОТАРИАТЕ, НЕ НЫНЕШНИЙ, ЕЩЁ СТАРОЙ РЕДАКЦИИ. ВСЕ ПЕРСОНАЖИ ЯВЛЯЮТСЯ ВЫМЫШЛЕННЫМИ И ЛЮБОЕ СОВПАДЕНИЕ С РЕАЛЬНО ЖИВУЩИМИ ИЛИ КОГДА-ЛИБО ЖИВШИМИ ЛЮДЬМИ СЛУЧАЙНО.

В середине 1990-х работала я в группе по борьбе с экономическими преступлениями Уголовной полиции Таллиннской префектуры полиции. Уф, написала название. Не запоминайте, такой больше нет.

И было у меня на руках одно уголовное дело, по которому человека из квартиры хотели выселить на том основании, что он добровольно подписал договор купли-продажи у нотариуса. Человек адекватный и вменяемый, пожаловался в полицию, что подпись не его и у нотариуса он не был.

Каковы были бы ваши следственные действия? Смотрели же тематические сериалы? Верно: договор изъять и почерковедческую экспертизу провести. Я, как положено, сделала запрос нотариу и попросила выдать мне договор.

Прошла неделя – тишина. Звоню – никто ничего не видел и не знает. Я снова написала письмо и приехала сама. Говорю, я вам отправляла письмо, теперь пришла лично, будьте добры выдать мне документ. Меня игнорируют, отвечают, оставьте запрос. Ну, знаете, с таким возмущением и выражением лица «очень важного человека побеспокоили» – секретарша со мной общается. Я говорю: жду договор три дня, можете позвонить, я приеду, говорю, иначе придётся обыск делать. За день, говорю, не управлюсь, придётся ваш офис закрывать. Девушка за конторкой, не глядя на меня, кивнула и вот так ухмыльнулась, прям как в песне «...а он все скрипел и вот так улыбался». Удивилась я тогда, бесстрашные, подумала.

Тем не менее прошла неделя, срок по делу идёт. А в те времена срок на рассмотрение уголовного дела был один месяц, и каждый месяц надо было у прокурора отчитываться, что следователь сделал за этот месяц, писать постановление о продлении срока и просить этого продления у прокурора – та ещё процедура-дурка. В Уголовно-процессуальном кодексе сказано, что в нужных случаях лицо, ведущее производство (на человеческом языке – расследование), может делать обыск. Перед законом все равны.

Пришло время составлять процессуальный документ. Комиссар как-то замялся подписывать постановление на обыск в нотариальной конторе, но

я успокоила его тем, что без согласия прокурора всё равно не могу ничего сделать. Подпись получила.

Я – к прокурору. А надо вам сказать, что прокурор тот ещё персонаж был. Сух, желчен, востронос – воплощение стереотипа ходячих неприятностей из советских фильмов. И характера приблизительно такого же. Со стороны моего юного возраста казалось, что он за что-то всех ненавидел. А после принятия Закона о языке отказывался со мной разговаривать на русском.

«Таня, – спрашивают меня иногда, – как ты заговорила на эстонском? Это ж надо набраться смелости; и вообще у человека всегда есть выбор: говорить – или не говорить». Конечно, у меня был выбор – или говорить с прокурором на эстонском, работать в полиции, получать соответствующую (тогда хорошую) зарплату и иметь все плюшки госслужбы, или идти работать... например, ларёшницей, потому что в 1992 году, недавно из школы, с неоконченным высшим образованием, без знакомств и связей ты никому не нужен. И, представляете, я заговорила по-эстонски, прожив всю жизнь среди русских, ага, прямо дар открылся. Assbook называется, не подумайте, что азбука, не, это когда сидишь на ж* ровно, пока книгу наизусть не выучишь.

Я отвлеклась. Прокурор в процессе подготовки каждого дела вытягивал из меня все жилы, из-за сомнительной буквы отправлял дело на исправление, но, надо отдать должное, в суде дела проходили на ура, как по маслу.

Так вот, приезжаю к прокурору с этим постановлением об обыске нотариуса... Наверное, среди вас большое количество непосвящённых, тогда я поясню, что проводить обыск у нотариуса, и даже просто об этом бумагу составить – это неслыханно-невиданная наглость и дерзость. Прокурор прих*, т.е. притих, призадумался, если писать культурно.

В чём преимущества двух начальников? Правильно – одному можно сослаться на решение другого. Прокурору я сказала «комиссар со мной согласен», да-да-да, говорю, а как же? Нотар нас ни в грош не ставит, разве так можно? В общем, старикан акцептировал, по-

сле некоторого размышления (как и комиссар; всё-таки мужчины ээ... не так смелы, как надеешься). И время такое было: этого лучше не делать – опасные подозреваемые, и того лучше не делать – опасные полицейские. Или голодным останешься, или закопают. Или закопают карьеру, а с голоду сам умрёшь.

Получила я подписанное постановление на руки и думаю: вот приду я теперь с постановлением в ту же контору нотариуса, и будет всё то же самое: меня проигнорят, как будто я прозрачная, или ещё в очередь поставят: «а что у вас? – обыск? – ну давайте вот сюда станьте пятой, после мужчины с на следствием будете».

Поэтому я решила заглянуть в один из соседних кабинетов в нашем здании на Лубья и спросить у молодого спортивного мужчины, свободен ли он со своей командой в течение, ну скажем, ближайших двух часов. Мне только войти, говорю, и чтоб никто не мешал, там я справлюсь. Вы уже, конечно, догадались – это был начальник группы захвата, она ещё по-другому называлась, но не буду раскрывать тайну. Так вот, говорю, форма у вас красивая, и оружие смазанное, можно с вами прогуляться? Понимаете меня, читатели? Вот это вот всё: мышцы, броники, день ВДВ...

И вот происходит тот самый момент в моей служебной жизни, когда группа бравых ребят в камуфляже и с автоматами тихо просачивается в нотариальную контору, быстренько всех расставляет лицом в стену, а я (тут представьте съёмки слоу-мо) вхожу к нотариусу и спокойно так спрашиваю: «Так что там с договором? Или действительно обыск делать?»

Говорят, большой скандал был, прокурору досталось, он потом недолго проработал. На самом деле он и так был немолод, наверное, на пенсию ушёл, точнее не скажу, мне ещё 25 лет не было, мне все казались пожилыми. Скандал был потому, что перед законом все равны, но кто-то равнее. Нельзя такое было делать с нотариусом, они из неприкасаемых. С тех пор всё, что надо, полиция запрашивала через Нотарите Кода, это и записали в обновлённом законе.

А да, подпись на договоре оказалась и вправду поддельной, нотариуса лишили лицензии.

Меня спрашивают, как я на такое решилась. У меня встречный вопрос – а что, можно было как-то по-другому? Можно было не сделать? Потерять бумаги? Забыть человека, который оставался без квартиры? Я следовала закону и выполняла свою работу, опять же: кто ж, если не я...

КАРПЕНКО АЛЕКСАНДР

Изловил агента,
или История из жизни Достоевского

Рассказ будет об эпизоде из жизни великого русского писателя Федора Достоевского. Эта история стала мне известна в бытность мою курсантом школы милиции.

Учился я в Таллиннской школе милиции в конце 70-х годов прошлого века. Наряду с юридическими науками нам преподавали курсы так называемых спецдисциплин. Это предметы, проходившие под грифом «секретно». Учебники и конспекты хранились в спецбиблиотеке, где под роспись мы их получали, а по окончании занятий сдавали обратно. За пределы учебных классов ничего выносить не разрешалось, не позволялось делать даже выписки.

У наших преподавателей была основная задача – вбить в нас как можно больше информации и тренировать нашу память.

Я был человеком любознательным и однажды, перебирая в спецбиблиотеке пожелтевшие книги, обнаружил брошюру, где излагались обстоятельства разработки «Кружка петрашевцев» (под таким названием вошла в историю эта революционная группа) и, в частности, Федора Михайловича Достоевского.

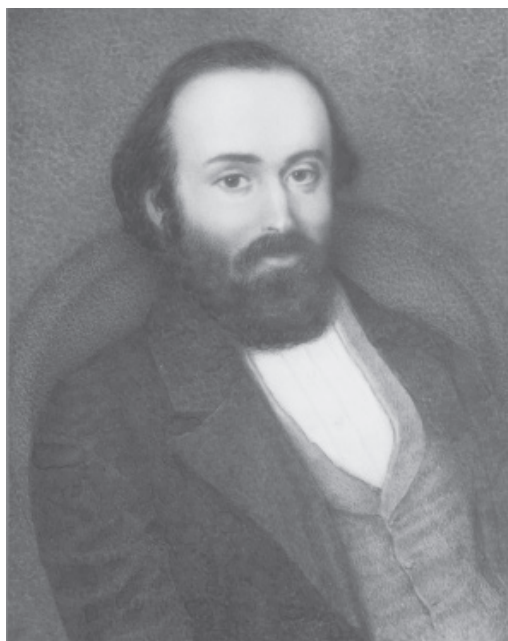
Что интересно: на брошюре тогда стоял гриф «секретно». Со времени прочтения брошюры прошли годы...

Недавно, просматривая у родителей свои старые фотографии, я нашел потрепанную записную книжку моей курсантской поры. Перелистывая ее, обнаружил на нескольких страничках непонятный текст. Присмотревшись, понял: да это же зашифрованный мною отчет по тому давнему делу! Оказывается, я не удержался от соблазна и, нарушив приказ, записал эту историю.

Текст мною расшифрован. Конечно, это не весь отчет Охранного отделения о разработке кружка петрашевцев, он был куда обширнее, а лишь эпизод о внедрении к петрашевцам агентуры, а также оперативная разработка и обстоятельства ареста писателя Достоевского.

Справка из оперативного дела

Бутаевич-Петрашевский Михаил Васильевич родился в 1821 году. Кандидат права. По убеждениям утопический социалист. Создатель антиправительственной группы...

Михаил Петрашевский

В конце 1844 года «утопический социалист» собрал вокруг себя общество разночинной молодежи, которое стали называть «Кружок петрашевцев». На своих собраниях, проходивших по пятницам (они так и назывались – пятницы Петрашевского), петрашевцы занимались самообразованием, обсуждали вопросы переустройства России, в том числе революционным путем.

Большое значение уделялось решению крестьянского вопроса. Находились среди них и «горячие» головы, говорившие о необходимости крестьянского восстания.

Естественно, такая деятельность долго не могла оставаться неизвестной властям. В частности, в поле зрения охраны попал некий учащийся Царскосельского лицея, сочинявший вольнодумные стихи. На допросе в охранке он во всем сознался и сообщил весьма ценные сведения. Рассказал, что посещал пятницы Петрашевского, и назвал нескольких участников группы.

Началась обычная в таких обстоятельствах оперативная работа по разработке Петрашевского и его группы. Разработка была поручена жандармскому офицеру Липранди, человеку весьма дотошному и целеустремленному.

Историческая справка

Липранди Иван Петрович, генерал-майор, военный историк и сотрудник тайной полиции. Участник войны 1812 года. Получил ранение

в битве под Смоленском. В начале 1820-х годов при штабе русских войск в Бессарабии руководил разведкой. Держал в своих руках широко раскинутую агентурную сеть в подвластных Турции районах. Близкий знакомый А. С. Пушкина (подсказав поэту сюжет «Выстрела», стал одновременно и прототипом главного героя Сильвио).

Иван Липранди

В его поле зрения попал студент 1-го курса филологического факультета Петербургского университета Петр Антонелли. Человек веселого нрава, привыкший жить на широкую ногу. Денег, как всегда в таких случаях, ему не хватало. Такие люди, как правило, сразу попадают в поле зрения спецслужб. Стал он интересен и Липранди. Во время вербовочной беседы, Антонелли дал согласие на сотрудничество с Охранным отделением и гарантировал помощь в изобличении петрашевцев. Благодаря протекции охраны он был устроен на работу в Министерство иностранных дел, где служил Петрашевский. В результате они сблизились. Однако, имея опыт нелегальной работы, Петрашевский не доверял Антонелли и на свои «пятницы» его не приглашал.

Особенно подозрительным Антонелли казался одному из сподвижников Петрашевского Толю.

Справка из оперативного дела

Толь Феликс-Эммануил Густавович, родился в 1823 году. Лютеранин. По профессии педагог, писатель, активный сторонник Петрашевского...

Феликс Толь

Время шло, а информации не поступало. И вот 11 марта 1849 года Антонелли решается на отчаянный шаг – без приглашения приходит к Петрашевскому на очередную «пятницу». Благодаря своему упорству и настойчивости ему удается избежать провала.

Более того, ему поверил даже самый подозрительный Толь.

Охранка стала получать информацию, как говорится, из первых уст. На помощь Антонелли в группу были внедрены ещё два агента – Шапошников и Наумов (фамилии из оперативного дела). За домом Петрашевского постоянно наблюдали работающие поочередно агенты-извозчики.

В результате было выявлено около 60 человек из числа активных участников группы.

23 апреля 1849 года начались аресты, но их поручили не жандармскому подразделению, которое всю эту работу проделало, а городской полиции. Естественно, полиция особо не заботилась о режиме секретности. Ведь оперативная разработка и агентура была не их.

Арестованных стали свозить в полицейский участок. Всех в одно помещение! Арестовано было 123 человека. Туда же доставили и Достоевского. В общей суматохе Достоевский заметил, что каждого задержанного подводят к столу, где полицейский чиновник сверяет задержанного с имеющимся списком.

Не потеряв в такой ситуации самообладания и хладнокровия, Достоевский сзади незаметно подошел к столу и стал читать список. Он увидел, что напротив фамилии Антонелли сделана пометка: «Агент по настоящему делу». Достоевский тут же сообщил об этом своим товарищам. Дело в том, что в целях конспирации Антонелли тоже был арестован. Его пришлось срочно выводить из оперативной игры и прятать.

Потом было следствие, суд и приговор. Из 123 арестованных 23 было осуждено к смертной казни (но никого из них не казнили).

Федор Достоевский

ЭПИЛОГ

Федора Достоевского приговорили к смертной казни, которая была заменена каторгой. Он провел там четыре года. В 1854 году его взгляды кардинально изменятся, и позже он напишет роман «Бесы», где критично отзовется о представителях революционной демократии.

Михаил Петрашевский был приговорен к смертной казни, замененной вечной ссылкой в Забайкальские заводы. С 1859 года на поселении в Иркутске. Умер в 1866 году.

Недоверчивого **Феликса Толя** приговорили к смертной казни, замененной каторгой на два (!) года. С 1859 года ему разрешалось жить в обеих столицах. Умер в 1867 году.

Петр Антонелли в результате разоблачения вынужден был сменить фамилию и с новыми документами уехал жить в провинцию. Место и время смерти неизвестно.

Иван Липранди, отслужив положенный срок, вышел в отставку. Умер в 1880 году.

Все петрашевцы царским указом были амнистированы в 1856 году.

Вот такая история, в которой великий писатель изобразил агента и по которой нас учили азам оперативной работы.

Эта давняя история о революционной борьбе в России натолкнула меня на размышления о том, что не все так однозначно в нашей отечественной истории... Кто они, герои моего рассказа? Антонелли – защитник государственности или провокатор? Липранди – герой войны, разведчик или царский сатрап? Петрашевцы – борцы за справедливость или смутьяны, погубившие ту Россию?

Но уже тогда в России жил будущий великий ученый-теоретик, описавший в 1883 году (!) поведение человека в невесомости, – Константин Эдуардович Циолковский. Раньше всё было понятно: революционеры – хорошие, а все, кто против них, – плохие, это враги! А сейчас...

КУЗЬМИН АНДРЕЙ

КУЗЬМИН АНДРЕЙ – подполковник милиции в отставке. Работал в различных должностях в Управлении уголовного розыска, Управлении специальной службы милиции, Регионального управления по борьбе с организованной преступностью, УВД на транспорте ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Эхо ушедшей войны

Карельский перешеек. День

В лесу на небольшом бугре, покрытом мхом и кустами черники, у сосны горит небольшой костёр. Над огнём костра на крюке греется металлический котелок. Двое молодых парней, Фриц и Шрам, сидят у костра и пьют из кружек чай. Фриц сидит, молча

привалившись спиной к сосне, и старается не слушать болтовни своего напарника. Он задумчиво рассматривает большой холм, перед которым они устроили стоянку.

Шрам: Ты точно уверен, что это то самое место, которое мы искали?

Фриц: Уверен. Сам посмотри. Что видишь вокруг?

Шрам: Что тут увидишь? Лес, болото и черники, хоть объешься...

Фриц: Лес. Черника. Удивляюсь я тебе, Витёк, как ты в копатели попал? Ты же слепой, как крот. Посмотри перед собой. Что о холме сказать можешь?

Шрам: Что тут скажешь? Холм, как холм. Вон их по всему лесу сколько. Все мхом поросли да валежником засыпаны...

Фриц: Вот ты сам за себя и ответил. Хватит чаи гонять. Передохнули от перехода, пора и делом заниматься.

Фриц встал, вылил остатки чая из кружки и повесил её на палку, вбитую в землю у костра. Достал из нагрудного кармана куртки бумагу с зарисовкой карты. Внимательно ее рассмотрел, пытаясь привязать к местности, затем достал из ранца небольшую лопатку и стал осторожно подниматься на холм. Следом за ним поднимается Шрам. Вместе они старательно очищают вершину холма от старого валежника. Затем саперными лопатками аккуратно снимают мох, обильно выросший на его поверхности.

Шрам: Смотри, Фриц, это же не камень, это бетон, а значит, это bunker...

Фриц: Молодец. Как только ты смог догадаться?

Под слоем снятого мха они обнаруживают металлический люк квадратной формы. Шрам сходу пытается поддеть крышку лопатой, но Фриц окриком останавливает его.

Фриц: Сдурел, что ли? А если он заминирован?

От громкого окрика Шрам резко прыгает в сторону и, сорвавшись с холма, кубарем скатывается вниз. Фриц стоит наверху и громко смеется над его падением. Затем опу-

скается на колени и внимательно изучает крышку люка. Шрам, потирая ушибленное плечо, осторожно поднимается на холм.

Шрам: А если он действительно заминирован, как мы вовнутрь попадём?

Фриц: Не бойся, я по военной специальности сапёр. Знаешь, сколько мин поднимал, и в армии, и после неё? Сходи вниз к костру, принеси фонарь, найди несколько небольших веток и заточи их под чопики. А я пока покурю. Сам знаешь, большая работа начинается с большого перекура.

Фриц достал из кармана металлический портсигар, уложенный в полиэтиленовый пакетик, вытащил папиросу и закурил. Шрам подобрал несколько веток и ножом стругает их с двух сторон. Затем осторожно поднимается на холм и передает их вместе с фонарем Фрицу.

Фриц: Молодец, только не уходи. Сейчас помогать мне будешь...

Шрам: А можно я лучше внизу подожду? Что-то у меня плохое предчувствие.

Фриц: Предчувствие, говоришь? А делить найденное у тебя руки дрожать не будут? Поднимайся сюда и будешь делать всё, что я тебе скажу. А то смотри, оставлю тебя на болоте одного, и выбирайся тогда сам как хочешь...

Шрам осторожно присел у люка на очищенный бетон. Его слегка потрясывает – то ли от страха перед миной, то ли от перспективы остаться одному на болоте. Затушив сигарету, Фриц ложится перед люком на живот и лопатой, как рычагом, начинает осторожно приподнимать крышку. Затем так же осторожно вставляет в это отверстие заострённые палки. Приподняв крышку с трёх сторон и укрепив её вставками, внимательно изучает внутреннюю часть крышки люка, используя фонарик. Там он и обнаруживает небольшой укреплённый прямоугольный предмет на стенке входа в bunker и провода, тянущиеся от предмета к крышке люка.

Фриц: Все мне теперь ясно. Это противопехотная мина «Штокмина 43». Пойми, дурашка, если заминировано, значит, там есть что-то ценное. Сбегай к моему рюкзаку и притащи сюда сумку с инструментами.

Шрам, получив разрешение покинуть опасное место, быстро вскакивает и бросается вниз, к костру. При резком движении он случайно

цепляет ногой одну из палок, придерживающих крышку люка. Палка выскакивает из-под крышки люка, он со стуком опускается, и раздается огромной силы взрыв...

Здание районного УВД. День

В кабинете начальника УВД идёт совещание с руководителями отделов милиции. Совещание проводит подполковник милиции Мирошников.

Мирошников: До каких пор я должен буду за вас выслушивать все от начальника ГУВД? Почему наши показатели по борьбе с трофейщиками и копателями самые низкие во всем областном управлении? Капитан Никулина, чему вы там улыбаетесь? На вашем месте надо плакать. Или вы считаете, что ваши несовершеннолетние «бандиты» не принимают участия в незаконном обороте оружия? Нечего ответить? Тогда садитесь. Запомните все: если наше управление не исправит положение дел, я начну делать организационные выводы со всеми исходящими последствиями...

Офицеры милиции сидят в кабинете начальника со скучающим видом, не очень старательно делая записи в рабочих тетрадях. Постоянные совещания наводят на них тоску и усталость. Начальник уголовного розыска Пермяков пишет на небольшом клочке бумаге несколько строк и передает его начальнику отдела ОБХСС Синицыну. «Баня сегодня не отменится?»

Синицын, прочитав записку, улыбается и утвердительно кивает головой. Его действия не остаются незамеченными для Мирошникова.

Мирошников: Синицын! По вашему довольному виду я понимаю, что задачу свою вы поняли и собираетесь немедленно ее выполнять?

Синицын вскакивает с места и громко рапортует.

Синицын: Так точно, товарищ подполковник, совместные мероприятия моего отдела и отдела уголовного розыска уже запланированы на сегодняшний вечер.

Все сидящие на совещании сотрудники улыбаются. Всем прекрасно известно, что отметить свой день рождения Синицын запланировал вечером в бане.

Мирошников: Товарищ Синицын, я тщательно буду смотреть за показателями вашего отдела. Никакие покровители вам тогда не помогут. Садитесь.

Синицын садится на место.

Проговорив ещё около получаса о задачах подразделения в свете грядущих праздников, начальник УВД закончил совещание. Офицеры милиции, собрав тетради и папки с документами, торопливо выходят из кабинета начальника.

Пермяков поднимается на свой этаж, входит в помещение с табличкой «Уголовный розыск» и, увидев приоткрытую дверь кабинета инспекторов, направляется туда.

Кабинет инспекторов уголовного розыска. День

Инспектор Федоров, сидя за столом, разговаривает по телефону со своей женой.

Федоров: Леночка, ну что ты снова за старое? Мы обо всём с тобой переговорили. В отпуск я уйду, как и обещал, в установленное время...

Федорова: Я прекрасно помню, как ты обещаешь. И как ты мне сорвал прошлый отпуск.

Федоров: Лена, тогда возникли вынужденные обстоятельства, громкое убийство. Ты же знаешь, не мне одному отпуск отодвинули. Подожди минутку...

Федоров видит входящего в кабинет Пермякова, вскакивает из-за стола, приветствуя начальника, и бросает телефонную трубку на стол.

Пермяков: Где весь народ? Закончишь разговаривать и сразу зайди ко мне.

Не выслушав ответа на свой вопрос, Пермяков выходит из кабинета инспекторов и направляется в свой кабинет. Открыв дверь ключом, проходит к столу и плюхается в старое кресло. Посидев несколько минут и подумав о чём-то своём, встаёт и включает чайник в розетку. Дождавшись, когда он закипит, насыпает в чашку заварку и заливает её кипятком.

Кабинет инспекторов. Продолжение разговора Федорова с женой по телефону.

Федорова: Меня не интересуют ваши убийства, я как проклятая корячусь всегда одна, а тебя рядом нет. Я хочу, нет я требую, чтобы мы поехали к морю без всяких твоих засад и задержаний...

Федоров: Лена, ну что ты заводишься? Ты же знаешь – тебе нельзя волноваться. Клянусь тебе, все будет хорошо. Обещаю, мы в этом году точно поедем с тобой к морю. Извини, заходил начальник, меня вызвал. Я тебе перезвоню попозже.

Не дождавшись ответа жены, Федоров кладёт трубку на рычаг, берёт из стола рабочую тетрадь и направляется в кабинет Пермякова.

Деревня Глуховка. День

Небольшая деревня Глуховка на краю леса. В деревне – около двух десятков домов, половина из них стоят заколоченными. Раньше это был большой населённый пункт, который сильно пострадал во время войны. После неё деревня стала отстраиваться заново, рабочие места давала построенная пилорама. Впоследствии пилораму закрыли, и молодёжь уехала в город, где условия жизни значительно лучше. Теперь деревня оживала только летом, когда к обитающим там старикам да бабкам приезжали их дети и внуки.

По пыльной дороге, ведущей из районного центра в деревню, медленно движется старый милицейский газик. В нем находится наряд ППС, направленный дежурным УВД по звонку из деревни. В машине трое: старший наряда сержант Хромов, молодой рядовой Шустров и водитель-милиционер Пискунов. Остановившись у крайнего дома, Хромов и Шустров выходят из машины и направляются к нему. На крыльцо выходит местный житель Михалев.

Хромов: Сержант Хромов. Вы сообщили по поводу взрыва?

Михалев: Я звонил, точно. В лесу рвануло так, что стёкла в доме чуть не повывлетали. Копатели, наверное, бомбу нашли...

Хромов: Где это могло произойти, знаете?

Михалев: Сказать не могу, дым потом видел, вот там за лесом. За Каткиной гатью.

Михалев рукой показал направление места взрыва.

Хромов: Проводить нас сможете? Нам бы место осмотреть надо. Вдруг там ранило или убило кого...

Михалев: Нет, мил человек, до лесу ещё доведу, а дальше – извините. Мы из деревни туда не ходим, место там дурное.

Хромов: Неужели так страшно, дед? Мы с тобой пойдём, если что, тебя защитим...

Михалев: Сказал – нет, значит, нет. Всё что надо, расскажу, чаем напою, а в лес не пойду.

Закончив разговор, Михалев повернулся и ушёл в избу.

Хромов и Шустров двинулись к лесу в направлении, указанном Михалевым. Пискунов, посчитав

разговор хозяина приглашением на чай, зашёл следом за Михалевым в дом.

Лес недалеко от деревни. День

Хромов и Шустров идут по лесу. Они выбирают сухие места, на ногах у них ботинки, явно не предназначенные для болотистой местности. Первым идет Шустров, опираясь и ощупывая дорогу сухой веткой.

Хромов (ворчит): Васёке Пискунову вся служба – фавора. Вот и сейчас мы тут комаров давим да ботинки мочим, а он, наверно, с дедом чай с медом пьёт...

Шустров: Сейчас пьёт, а если его машина встанет? Курить будем мы, а он под машиной лежать будет.

Хромов: Ты зачем, Серёга, эту палку с собой тащишь? Видел я, как ты её подобрал у леса.

Шустров: Это не палка, а слега. Она необходима охотнику, когда тот идёт по неизвестной болотистой местности.

Хромов: Охотник, что ли?

Шустров: Да я так, ещё молодой. Вот мой отец – это охотник, всё про лес знает. Он меня многому научил и подсказал многое.

Хромов неудачно перескакивает с кочки на кочку, поскользывается и проваливается по пояс в грязную болотистую жижу. С испугу начинает кричать и ругаться. Шустров с помощью слеги помогает Хромову выбраться из болота. Затем они вместе выжимают мокрые форменные брюки и куртку. Хромов не перестаёт ругаться. Ему сыро, холодно, неуютно, сильно кусают комары.

Хромов: Всё, давай заканчивать, этот «туристический» поход. Сюда нужно вызывать специалистов, а то мы сами утонем в этом болоте. Доложим, что ничего не обнаружено. Договорились?

Шустров: Подождите, товарищ сержант, давайте хоть на ту горочку поднимемся. Вон, смотрите, и тропинка виднеется.

Хромов: Какая тропинка, какая возвышенность? Я как старший приказываю возвращаться.

Шустров: Слушаюсь. Разрешите, товарищ сержант, отойти в лес и оправиться.

Хромов: Оправься, если комаров не боишься.

Шустров берет в руки слегу и уверенно направляется по заметной ему тропинке в сторону возвышенности.

Дом Михалева. День

Деревня. Милицейский газик стоит у первого дома. Пискунов и Михалев сидят за столом. На столе стоит самовар, тарелка с баранками, варенье и мёд. Они пьют чай и неторопливо ведут беседу.

Пискунов: Что же такого страшного в вашем лесу происходит, что вы туда ходить боитесь?

Михалев: Место там дурное. Во время войны немцы там укрепились, держали, по этой причине всех жителей из деревни выгнали. Кто остался в живых, до конца оккупации в райцентре жили. А после войны, когда в деревню вернулись да пилорама заработала, несколько местных ребятшек в болотине на минах подорвались.

Пискунов: Минёров не вызывали?

Михалев: Вызывали, а толку? Немцы, говорят, так много их напихали, что всех и не вытащить. Вообще местные власти дали негласное распоряжение – не ходить, а военные колючкой обнесли некоторые опасные места. На этом всё и закончилось.

Пискунов: Кто же тогда там лазает, если вы не ходите?

Михалев: Да молодёжь приезжая. Копателями себя называют. Вот они там и копают на свою голову. Если прогремит взрыв, значит, кто-то что-то там нашёл. Зверья крупного у нас давно не водятся, а скотину мы не держим. По этой причине и звоним в милицию...

Пискунов: Да-а-а, дела тут у вас. Что-то давно наших нет. Пойду попробую из машины им по радиации докричаться.

Михалев: Попробуй, только местность там холмистая. Окажутся в ложбинке – не услышат.

Пискунов поставил кружку на стол, отряхнул крошки с кителя и неторопливо вышел из дома.

Кабинет начальника уголовного розыска Пермякова. День

Постучав, в кабинет зашёл Федоров.

Пермяков: Проходи, Алексей, присаживайся. Ты мне так и не ответил на вопрос, где находятся Котов и Мичуров? Опять в пивной на «реабилитации»?

Федоров: Петр Сергеевич, ну почему сразу пивная? Мичуров ушёл отрабатывать сигнал по кражам, а где Котов, не знаю. Утром звонил и сказал, что машина сломалась у знакомого, а он помогает ему с ремонтом.

Пермяков: Значит, один «сигналы» отрабатывает, другой машину чинит, а ты, по-видимому, готовишься к отпуску. Находишься в так называемом чемоданном состоянии. Правильно я понимаю?

Федоров: Так отпуск у меня законный, согласно утверждённому вами графику.

Пермяков: Про закон и график вспомнил? Это хорошо. А ты мне ещё напости, когда в последний раз давал раскрытие? Почему меня должны каждый раз полоскать на совещаниях за вашу работу? Значит, так: с ребятами я поговорю отдельно. Что касается тебя, то срочно нужны показатели по обороту оружия. Сделаешь – честь тебе и хвала. А нет – в отпуск пойдёшь в декабре. Иди работай.

Федоров: Пётр Сергеевич, так у меня до отпуска осталось совсем ничего. Когда же я успею?

Пермяков: В отпуск захочешь – успеешь. Свободен. Напарникам передай, как увидишь, чтобы срочно шли ко мне. Их тоже надо порадовать предстоящей работой.

Расстроенный Федоров выходит от Пермякова и направляется в свой кабинет.

Лес недалеко от деревни. День

Шустров быстро поднимается по тропинке и начинает остро ощущать запах гари. Примерно в километре от возвышенности, на которую он поднялся, в просеке Шустров замечает почерневший холм, дымящийся костёр и разбросанные рядом с ним тела людей. Он машет руками и кричит Хромову, чтобы тот поднимался. Хромов, ругая Шустрова за его неуёмность, поднимается по тропинке к нему.

Хромов: Товарищ милиционер, почему вы не выполняете указания старшего по званию? Я же вам приказал возвращаться.

Шустров: Мы не можем просто так вернуться. Смотрите, товарищ сержант, я их нашёл.

Шустров указывает на почерневший холм и тела двух людей рядом. Они направляются в сторону увиденного.

У холма они обнаруживают труп Фрица и тело Шрама с оторванной ногой. Шустров наклоняется над телом Шрама и осматривает его.

Шустров: Товарищ сержант, парень жив, только без сознания. Наверно, у него болевой шок. Надо срочно вызывать помощь, мы одни его дотащить не сможем.

Хромов безуспешно пытается вызвать помощь по радиации.

Шустров с помощью брючного ремня накладывает раненому на ногу жгут, пытаясь остановить артериальную кровопотерю.

Хромов: Ничего не получается. По-видимому, радиация мешает холмистая местность. Как думаешь, сколько ещё парень сможет продержаться?

Шустров: Не знаю, это зависит от его физического состояния.

Хромов снова поднимается на холм и снова пытается вызвать по радиации помощь. В это время Шустров осматривает вещи пострадавших, надеясь найти личные документы. В кармане погибшего Фрица обнаруживает портсигар и обрывок карты с немецкими названиями населённых пунктов. Хромов тем временем, обнаружив вход в bunker, осторожно спускается вниз, освещая дорогу фонариком.

Автомобильные гаражи на окраине города. День

В гараже с открытыми воротами стоит автомашина «Победа», рядом с ней разговаривают инспектор уголовного розыска Котов и владелец машины Резников.

Резников: Андрей Валентинович, поймите меня правильно, я закон не нарушал. Этот гараж приобретён законным путем, на общих основаниях. Да, он был конфискован, но я купил его у государства. Эти молодые люди просто бандиты с большой дороги. Они требуют какие-то отступные за своего друга.

Котов: Вадим Маркович, да не волнуйтесь вы так. Сейчас всё решим.

Резников: Ну как решим, это страшные люди. Я так волнуюсь, может, нам надо позвонить в милицию?

Котов: Вадим Маркович, вы, наверно, забыли? Я и есть милиция. Займитесь чем-нибудь. Машину протрите...

В это время к гаражу вальяжной походкой подходят два молодых человека – Баклан и Марек. По одежде и наколкам на руках можно определить в них лиц, имеющих проблемы с законом. Баклан подходит к воротам гаража и с размаху ногой пинает их.

Баклан: Ну, мужик, гони наши бабки. Нечего зенками хлопать. Где наши деньги?

Из темноты гаража им навстречу выходит Котов.

Котов: У меня ваши деньги, гражданин Бакланов. Я так понимаю,

свежий воздух свободы вскружил ваши неокрепшие головы?

Марек: Ты кто такой фраер будешь?

Баклан: Засохни, Марек. Андрей Валентинович, наше вам почтение.

Котов: Так что по поводу долга и денег? Не слышу ответа, Баклан.

Бакланов: Ошибочка вышла, начальник. Мы пошутили. Уже уходим, и больше вы нас здесь не увидите. Марек, валим отсюда по-быстрому.

Баклан силой тащит от гаража напарника. Марек упирается и пытается выяснить отношения.

Марек: Ты, что? А деньги в натуре? Обещал срубить по-легкому...

Баклан: Заткнись, болезный, это же Котов с уголовного. Знаешь, как он недавно Ворона закрыл? Просто так, играючи. Не переживай, у меня на сегодня есть ещё несколько вариантов.

В это время в гараже происходит разговор между Резниковым и Котовым.

Котов: Видите, Вадим Маркович, ребята извинились и больше беспокоить вас не будут.

Резников: Андрей Валентинович, я так вам обязан. Что я могу для вас сделать?

Котов: Ничего. Живите спокойно и радуйтесь жизни. Мне уже пора на работу. Всего хорошего вам, Вадим Маркович.

Внутреннее помещение бункера. День

Первые два помещения бункера оказались пустыми. Кроме мусора, разбросанных тряпок, разбитых ящиков и старой бумаги в них ничего не было. В дальнем помещении Хромов обнаружил несколько небольших деревянных ящиков, предназначенных для перевозки патронов. Вскрыв один из них, Хромов увидел золотые слитки. Дрожащими руками осторожно достал один и принялся внимательно рассматривать его. Из шокового состояния его вывел голос Шустрова, который спустился следом за ним в бункер с докладом.

Шустров: Товарищ сержант, я осмотрел все вещи потерпевших. Документов нет, только какая-то непонятная карта на немецком языке. А что это у вас в руках? Золото?!

Хромов: Золото. Смотри, это настоящее золото...

Хромов зачарованно смотрит на золотой слиток в руках.

Шустров: Откуда, интересно, оно здесь взялось? Его, наверно, и искали копатели?

Отделение уголовного розыска. Кабинет инспекторов. День

В кабинет, в котором сидит расстроенный Федоров, бодро заходит оперативник Котов.

Котов: Как дела? Чего такой убитый сидишь? Хомяк меня не искал?

Федоров: Искал и тебя, и Мичурова. Я, между прочим, из-за вас опять под его горячую руку попал. На совещании его накрутили, ну а он на мне оторвался.

Котов: Да ладно, Алексей, первый раз, что ли. Покричит-покричит да перестанет. К тому же ты у нас почти отпускник. Когда проставляться будешь?

Федоров: В декабре, наверно. Если за неделю не дам результатов по оружию, Хомяк пообещал, что отпуск у меня будет только зимой. Даже не представляю, что будет, когда Ленка узнает.

Котов: Да, Хомяк зажигает. Ну, что, давай поработаем. Должен же я выручить напарника, особенно когда он собирается в отпуск. Предлагаю проверить несколько известных нам трофейщиков. Уверен, что пару уголовных дел на них завести сможем.

Федоров: Подождите, а к начальнику вы не пойдёте?

Котов: Зачем? То, что он мне скажет, я и так знаю. Вечер у него занят. В бане празднуют день рождения Синицына. А раскроем дело, тогда и на глаза появиться можно. Учись, как надо действовать, опер!

Котов и Федоров проверяют старые записи по уголовным делам. Это большие амбарные книги. Они выбирают несколько фамилий с адресами их проживания.

Федоров: Фамилии кандидатов есть. С кого начинать будем?

Котов: Вот, смотри, интересная личность – Мальков Александр Петрович, кличка Фриц. Молодость начинал в детской комнате милиции, отец был судим и погиб в местах лишения свободы. Мать злоупотребляет спиртными напитками. Срочную службу в армии проходил на Севере. Военная специальность – сапёр. По возвращении из армии так никуда постоянно не устроился. Пытались привлечь за тунеядство. Два раза задерживали в местах работы чёрных копателей, но доказать ничего так и не смогли. Очень

много сигналов о сбыте различных вещей и ценностей, найденных в лесах области. Знаешь что, Алексей, а давай-ка заглянем к нему домой. Чувствую, ждёт там нас удача.

Федоров берет папку с бумагами, и они выходят из кабинета.

Инспекция по делам несовершеннолетних. День

В кабинете инспектора ИДН Мичуров серьёзно беседует с несовершеннолетней Калашниковой Надеждой.

Мичуров: Надежда, когда ты успокоишься? Наверно, тогда, когда мы отправим тебя в спецшколу на Акуратова?

Калашникова: Александр Иванович, а что я такого сделала? Нашла брошенную собачку и хотела отдать ее владельцу.

Мичуров: Не рассказывай мне сказки, Надя. Ты отвязала собаку у магазина и отвела к себе домой. А потом повесила объявление с грамматическими ошибками о том, что вернёшь найденную собаку за вознаграждение. Чувствуешь разницу?

Калашникова: Нет, не чувствую.

Мичуров: Господи, что с тобой будет, когда вырастешь?

Калашникова: Что вырастет, то вырастет. Может, отпустите?

Мичуров: Нет, Наденька. Сейчас к тебе домой прокатимся. Возможно, снова самогонный аппарат найдём или братика встретим. Сегодня за ночь две машины обнесли и всё магнитолы. Не твоя ли родная кровь машины почистила?

Бункер. Лес недалеко от деревни. Вечер

В бункере разговаривают на повышенных тонах Хромов и Шустров.

Хромов: Ты только спокойно выслушай меня и прими правильное решение. Это счастливый случай и бывает он только раз. Здесь золота хватит нам до конца жизни. Понимаешь ты это? Или нет?

Шустров: Не надо на меня кричать, товарищ сержант. Я вас прекрасно слышу. Наша прямая обязанность – помогать людям и стоять на защите социалистической собственности. Сейчас наша задача – доставить больного, иначе он умрёт от потери крови.

Хромов: Ну как тебе это объяснить? Плевать я хотел на этих копателей. Были они здесь или нет,

это никому не интересно. Они ведь могли умереть ещё до нашего прихода. Мы их могли просто не найти. У нас теперь золото! Слышишь ты меня или нет?!

Шустров: При чём здесь золото? Найденный клад надо сдать государству и получить положенную премию. Товарищ сержант, разрешите, я побегу в деревню за помощью, там человек наверху умирает.

Шустров поворачивается и быстро поднимается по лестнице из бункера. Хромов некоторое время сидит на ящиках, обхватив голову руками. Затем неожиданно вскакивает и бросается следом за Шустровым.

Старый рабочий посёлок. Вечер

Старые двухэтажные бараки вдоль центральной улицы поселка. У одного из таких барачных домов останавливается милицмейская машина «Москвич». Из неё выходят Котов и Федоров.

Котов: Кажется, здесь. Дом № 2, квартира № 5.

Федоров: Вместе пойдём или мне у окна посторожить?

Котов: Идём вместе, нас же не ждут. А это что значит? Из окон никто прыгать не будет. Знаешь, что здесь будет самое сложное?

Федоров: Малькова задержать?

Котов: Самое сложное здесь, Алексей, будет найти понятых. Ну с этим мы как-нибудь справимся. Пошли.

Жилой барак. Второй этаж. Вечер

Два инспектора поднимаются на второй этаж барака и стучат в дверь квартиры № 5. Дверь открывается самопроизвольно, она не закрыта. На небольшой кухне за столом, заставленным бутылками и грязными тарелками, спит неопрятная женщина. Все попытки привести ее в чувство заканчиваются для инспекторов неудачей. Квартира из двух комнат пуста, закрыта только третья комната, видимо, принадлежащая Малькову. Крепкая дверь с крепкими замками должна была защищать комнату в квартире, где собираются местные алкаши. Котов долго и внимательно рассматривает замки закрытой двери.

Котов: Вот мы и у цели. Осталось только попасть в комнату Малькова. Слушай, Алексей, сбегай к водителю и попроси у него монтировку.

Федоров: Вы хотите дверь взломать?

Котов: Я хочу помочь тебе нормально пойти в отпуск. Ты как не родной. Ради хорошего дела... Представь себе, вдруг там взрывчатка?

Федоров бегом спускается вниз и приносит монтировку. Они вскрывают дверь, оторвав планку и повредив замок. Осмотрев комнату, Котов обнаруживает в диване две винтовки Мосина и большое количество патронов.

Котов: Вот видишь, Алексей, удача всегда на стороне тех, кто ее ищет. Поехали в отдел, понятых я там органирую. Будет у тебя отпуск, а у нас – твоя проставка.

Котов собирает в сумку патроны и передает ее Федорову, а сам забирает найденные винтовки и идет к выходу. Федоров хватается со стола свою папку с документами и обнаруживает на нем пожелтевшую тетрадь с надписями на немецком языке. Он машинально сует ее в папку и, забрав сумку с патронами, выходит на улицу.

Деревня у леса. Дом Михалева. День

В дом входит Пискунов.

Михалев: Ну, что, докричался по своей рации?

Пискунов: Так и не смог. Может, у них что-то случилось?

Михалев: Если бы случилось, тогда бы услышали.

Пискунов: Ну и шуточки у тебя, дед. У вас здесь есть телефон? Ты же звонил нам в милицию.

Михалев: Телефон в заготконторе, вот только председатель сегодня уехал в центр.

Пискунов: Что же делать?..

Михалев: Садись и пей чай, коль от самогонки отказался. Придут они, никуда не денутся.

Пискунов нерешительно опускается на лавку у стола. Михалев подвигает ему чашку с чаем.

Отдел уголовного розыска. Кабинет инспекторов. Вечер

В своем кабинете за столом сидит Мичуров и заполняет документы. Он слышит голос Котова и звук открываемой им двери.

Мичуров откладывает ручку и идет в кабинет инспекторов. При виде изъятых оружия Мичуров приходит в восторг.

Мичуров: Ай да молодцы! Где такие чистые винтовки собрали?

Мичуров бережно берет в руки и внимательно рассматривает одну из винтовок.

Котов: Места надо знать, Александр Иванович. (Обращается к Федорову) Алексей, бери бумаги и начинай оформлять протокол изъятия. Сейчас я понятых тебе найду.

Котов садится за свой стол, долго роется в документах, находит лист бумаги, записывает данные двух людей и передает листок Федорову.

Котов: Вот запиши их понятными, а я за них распишусь. Давай заканчивай протокол. Нам ещё надо занести оружие к экспертам и в баню.

Федоров: В какую баню?

Котов: В баню, где отдыхает наше руководство. Хорошие новости надо преподносить самим и вовремя. Или ты, Лёха, в отпуск не хочешь?

Федоров: Очень хочу!

Котов: Тогда шевелись быстрее. У меня ещё дела есть вечером.

Федоров заполняет протокол и передает его Котову. Котов расписывается в нём за понятых, и они, захватив изъятые оружие, идут в экспертный отдел.

У бункера в лесу недалеко от деревни. Вечер

Хромов поднимается из бункера и видит, как Шустров, присев на корточки, проверяет пульс и жгут у раненого копателя. Сначала Хромов пытается достать из кобуры свой пистолет, но затем в его голове созревает дерзкий план. Хромов спускается вниз и, тихо подойдя к наклонившему Шустрову сзади, резко выхватывает у него из кобуры пистолет. Затем, передёрнув затвор, несколько раз стреляет в грудь раненому копателю. Тот дёргается, и у него на груди расплываются кровавые пятна.

Хромов: Всё, моему терпению пришел конец. Не захотел по-хорошему, будет тебе по-плохому.

Шустров оторопело смотрит то на Хромова, то на убитого копателя.

Шустров: Что вы наделали, товарищ сержант? Вы же его убили.

Хромов: Я ничего не делал. Это твой пистолет, а значит, и убил ты его. Теперь слушай меня внимательно и запоминай. Выбор у тебя небольшой: или ты делаешь всё, как я скажу, или судьба у тебя будет очень незавидная. Убить человека милиционеру из-за золота... Да за это у нас к стенке поставят без разговора...

Продолжение в следующем номере

ПЕТРОВ МИХАИЛ

Детектив: кража и убийство от Шерлока Холмса до Колобка и Пикачу

В мире компонентов нет эквивалентов, как говорили старые алхимики, а они-то знали, что говорили. Венедикт Ерофеев. Москва-Петушки.

Вы будете смеяться: статья «Детектив» в Wikipedia по факту является едва ли не самой длинной в сетевой энциклопедии. Однако написана настолько бестолково и сумбурно, что разобраться в ней не так уж просто.

Детективный жанр существует для развлечения читателей или зрителей. Его неиссякаемая привлекательность – в увлекательном, полном приключений путешествии от тайны преступления к его разгадке. «О, бездна тайны! О, тайна бездны!» – воскликнул однажды поэт, правда, по другому поводу. Полагаю, мы вправе в полной мере отнести эту максиму к детективу. Главный элемент настоящего детектива – не преступник и его преступление, не сыщик и его детективная метода, а сама бездна тайны.

Есть мнение, что элементы детективного жанра можно обнаружить уже в древнейшей литературе, хотя сам жанр окончательно сложился лишь к концу второй половины XIX века. Обыкновенно мы связываем происхождение полноценного жанра с Эдгаром Алланом По и Артуром Конан Дойлем, хотя элементы жанра мы легко обнаружим и в раннем готическом романе, и в произведениях Чарльза Диккенса, Уилки Коллинза, Джозефа Редьярда Киплинга. И вообще, всякий уважающий себя писатель считает своим долгом отметить в жанре или отдать ему должное.

Кстати, «Преступление и наказание» Достоевского – это вообще не детектив, а социальная драма с религиозно-философским уклоном. Серия романов Жоржа Сименона о комиссаре Мэгре, которые лишь замаскированы под детектив, по факту – тоже социальная драма. *Et cetera.*

Есть несколько наборов обязательных элементов детектива и запретов, позволяющих отграничить детектив от полицейского романа, судебной или социальной драмы, боевика или криминального триллера, бандитской или гангстерской саги. Если в детективе появляются элементы мелодрамы, например, любовные отношения между героями как самостоятельная линия повествования, жанр заканчивается. Даже великие прокалываются на мелодраме: там, где у Конан Дойля

появляется интрижка доктора Ватсона, заканчивается Шерлок Холмс. Хотя, с другой стороны, романтические отношения между преступником и жертвой могут добавить в повествование дополнительное напряжение.

Тайна «Голубого ангела»

Лет двадцать тому назад мне в руки попала книжка о приключениях знаменитого майора Пронина – героя целой серии советских анекдотов о работниках правоохранительных органов. Книжка издана в 1958 году карманным форматом в серии «Библиотека военных приключений». Автор – Лев Овалов (Шаповалов). Я обрадовался возможности восполнить прореху в образовании, и Пронин меня удивил, а особенно удивила повесть «Голубой ангел». В завязке детектива сыщики во главе с Прониным изучают трофейную пластинку с песенкой «The Blue Angel» – «Голубой ангел» и разбирают перевод текста в попытке раскрыть шпионскую тайну:

Ночь нам покой несёт, и, когда всё заснёт на земле,

Спускается с горних высот голубой ангел во мгле,

Он неслышно входит в наш дом, наклоняется к нашим устам

И спрашивает нас об одном – о тех, кто дорог нам.

И, не в силах ему противиться, – это мать, невеста, жена, –

Нарушаем мы тайну сердца, называем их имена.

А утром с ужасом слышим, что любимых настигла смерть.

И тоска проникает в душу, и чернеет небесная твердь.

Мы ничего не знаем, не видим божьих сетей,

Не знаем, что это ангел уносит лучших людей,

И вечером, одинокие, беспечно ложимся спать,

И в пропасти сна глубокие падаем опять...

Так не спите ночью и помните, что среди ночной тишины

Плავает в нашей комнате свет голубой луны.

Я прочёл, и... купился на тайну. В том смысле купился, что стал искать английский оригинал мрачной песенки

или сонета. Искал – и не нашёл. Увы, в то время интернет не баловал обилием информации о советских писателях. Лет через десять случайно наткнулся на биографический материал о Льве Шаповалове. Оказывается, родитель майора Пронина писал стихи, причём далеко не в стилистике социалистического реализма. Зато судьба самого автора оказалась очень даже в стиле.

«Синие мечи» – первый из серии рассказов о майоре Пронине был опубликован в 1939 году. Наивный рассказ из истории Гражданской войны, но вполне отвечающий всем критериям классического детектива. Затем были опубликованы и другие детективные рассказы, а в 1941 году в майском номере журнала «Огонёк» – повесть «Голубой ангел».

Через месяц после публикации – 5 июля 1941 года – Лев Шаповалов был арестован и осуждён к 15 годам лишения свободы. Считается, что его обвинили в разглашении секретных методов контрразведки (оперативно-розыскной деятельности), которые в СССР были засекречены. Шаповалов ни дня не служил в органах, но сумел придумать свои секретные методы! Пересказывать повесть не стану, прочтите сами, получите удовольствие от настоящего детектива. Кстати, в открытых источниках вы не найдёте, какая именно из статей Уголовного кодекса РСФСР была вменена Шаповалову – тайна бездны! Автор и в этом остался верен жанру.

А пока мы вместе постараемся прояснить, что является детективом, а что нет.

Тайна детектива

Детектив устроен так: тайна преступления, жертва, сыщик, улики и свидетели, разгадка тайны – изобличение преступника. Преступление – это либо убийство, либо кража, либо то и другое вместе. Эту простую схему постоянно пытаются обставить дополнительными условиями. С чем-то можно согласиться, а с чем-то – нет.

Ревнителю жанра ограничивают количество потайных ходов, неизвестных науке ядов, мудрёных механизмов, китайцев, японцев и дворецких. Китайцы и японцы – дань восточной мистике и одновременно проявление расизма, распространённого в Европе на рубеже XIX–XX веков. «Во всём

виноват дворецкий!» – проявление дурного вкуса, которое ещё в Древней Греции именовали *deus ex machina*, т.е. бог из машины. По сути – не мотивированное сюжетом обстоятельство, позволяющее развязать все детали сюжета и разрешить все непонятки действия.

Считается, что дворецкий, как и прочая прислуга в доме, может присутствовать на месте преступления, оставаясь невидимым. Невидимками считаются персонажи в униформе, например, горничные, коридорные, слуги, официанты, метрдотели, сёстры милосердия, почтальоны, электрики, автомеханики и пр. Кстати, из них получаются отличные преступники.

Важная деталь детектива – узнаваемая обстановка, хорошо понятная читателю или зрителю: узнаваемое быденное позволяет отличить странное, возможно, имеющее отношение к тайне преступления. Требование быденности относится также к психологии и поведению персонажей. Все они, включая преступника, в предложенных обстоятельствах должны вести себя предсказуемо, разумеется, в рамках избранных для них характеров. Мотивы поступков должны быть понятны при минимуме необходимых объяснений. Особенно это относится к мотиву преступления.

Тайна преступления не может строиться на сведениях, которые не были заявлены читателю или зрителю в ходе повествования. Однако автор вправе скрывать незначительные подробности, не влияющие на возможность раскрытия тайны. По завершении расследования все загадки в детективе должны быть разгаданы, на все вопросы получены ответы. К моменту, когда расследование завершается, читатели и зрители должны иметь достаточно информации для того, чтобы найти решение самостоятельно.

В идеале к финалу расследования читатель должен иметь возможность решить загадку на странице раньше авторских объяснений, что крайне льстит его самолюбию. И тут всё зависит исключительно от мастерства автора.

Преступник

Преступник должен быть заявлен в начале истории как лицо вне подозрений. Своими действиями он не должен оказывать прямого воздействия на сюжет истории или обнажать мотив преступления, однако может противодействовать расследованию.

Допустимы элементы мистики, но преступление и расследование рациональны и не должны иметь сверхъестественного объяснения. Классические социопаты вроде профессора Мориарти встречаются крайне редко.

Жертва

Жертва должна быть непосредственно связана с тайной преступления, независимо от того, идёт речь об убийстве или о краже. Если помимо основной жертвы есть и другие, то их связь с тайной преступления может быть менее очевидной. Якобы случайная жертва требует особой мотивации, которая в развязке сюжета свяжет её с тайной преступления. Особый случай: трансформация очевидной жертвы в преступника.

Свидетели

Наравне с уликами свидетели есть необходимый элемент повествования. Они являются источниками информации о тайне. Мастерство сыщика проявляется, в том числе, в умении разговорить нужного свидетеля. Свидетель интересен тем, что, в зависимости от развития сюжета, может трансформироваться либо в жертву, либо в преступника или его сообщника.

Сыщик

Весьма распространённые фигуры детектива – частный сыщик, режиссёр – профессионал, сыщик-любитель или вообще посторонние лица, например, консультанты, пытающиеся бороться со скукой, появление которых обусловлено либо «случаем», либо недоверием жертвы (автора!) к профессионалам. Консультанты плодятся в зависимости от фантазии автора: слухачи и нюхачи, раскрывающие преступления при помощи обострённого слуха или обоняния, хаке-ры, аутисты, инвалиды, любопытные старушки, монашки, дети, и т. п. А на очереди уже представители LGBTQ+... Уж лучше покемоны!

На рубеже тысячелетий тренд гендерного равноправия привёл в жанр детектива авторов женщин. Женщины-авторы привнесли иронию и гламур. Вслед за женщинами в жанре детектива прописались сыщики из всех слоёв общества. С большого экрана горе-сыщики шагнули даже в мультипликацию. Современный детектив перестал быть элитарным жанром, он

стал не только ироничным и гламурным, но ещё слезливым и сопливым.

Кстати, о покемонах, если вы не в курсе. Это вымышленные карманные монстры, которым присущи фантастические способности вроде манипулирования электричеством и огнём. В мире насчитывается 894 известных вида покемонов, однако и это не предел. Самый знаменитый покемон – мультяшный детектив Пикачу. Впрочем, к классике детектива покемоны не имеют никакого отношения.

Умозаключения сыщика не должны основываться на сверхъестественном знании. Если в сюжете присутствует мистика, в финале сыщик обязательно должен найти ей рациональное объяснение. Ревнителю жанра полагают, что сыщик не должен утаивать от читателя ни улики, ни ход своих размышлений. Вместе с тем, чем нелогичнее, на первый взгляд, поступки сыщика, тем он гениальнее, тем увлекательнее и загадочнее сама история. Но в нелогичности следует соблюдать меру, потому что в конце повествования она потребует внятного объяснения.

Считается неприемлемым в развязке сюжета разоблачить преступника в самом сыщике. А почему бы и нет? Любопытный и весьма сложный для автора стилистический кунштюк, при котором роль детектива на самом деле играют как бы второстепенные персонажи. Главное – в финале расследования не выйти на самого себя!

В последнее время считается, что главной особенностью жанра является сосредоточение на персоне сыщика, а не на самой тайне преступления. Полагаю, кем бы ни был сыщик, процесс раскрытия тайны преступления важнее его личных переживаний. Треугольник «преступник-жертва-сыщик» – вот основа детектива, а переживания слухачей, нюхачей и аутистов мне как поклоннику чистоты жанра неинтересны.

При всём обилии авторов женщин Агата Кристи – пик Эвереста для ползающих у его подножия бескрылых графоманок.

Компаньоны сыщика

Важный элемент детектива, унаследованный от народных сказок, – помощники, обладающие различными талантами и умениями. Но и здесь должно быть без перебора. Даже очень тупой помощник обладает ценнейшим даром слушателя, и у него есть право задавать сыщику глупые вопросы, следствием которых будет поступа-

тельное движение к раскрытию тайны. Увы, но правило ныне редко соблюдается. В помощниках у современного детектива можно обнаружить разного рода «консультантов»: экстрасенсов, медиумов, спиритов, некромантов и даже духов, что явно претит чистоте жанра. Лично мне ближе всего туповатые, но исполнительные доктор Ватсон и капитан Гастингс или их эквиваленты.

Детектив в кинематографе

Не стану заикливаться классике Питера Устинова, Дэвида Суше или Василия Ливанова. В качестве великих детективов на экране уместны британцы Бенедикт Камбербэтч и Джонни Ли Миллер. Последний отметился в качестве Englishman in New York — Шерлока Холмса в Новом свете. Даже вертлявый Роберт Дауни-младший и тот нашёл в образе великого сыщика что-то своё. Из шедевров последнего времени я бы отметил Пуаро в исполнении ирландца Кеннета Брана. И довольно об этом — фильмография по произведениям Конан Дойля и Агаты Кристи обширна.

Детектив в кинематографе — это отдельная и весьма серьёзная тема. В российском сегменте две трети сценариев написаны женщинами, в зарубежном сохраняется жалкое подобие паритета. К тому же западный кинематограф, в первую очередь, американский, отягощён расовыми проблемами, что неизбежно приводит к размыванию жанра. Понятно, что лента не будет иметь коммерческого успеха, если в ней действуют белые и нет цветных — латиноамериканцев, итальянцев, ирландцев, китайцев, японцев и так далее, включая поляков. А теперь ещё и представителей LGBTQ+. По сути, это убийство жанра.

Недавно мне на глаза попался серийный американский детектив. Главная героиня — сорокалетняя женщина-детектив с неустроенной судьбой, погибшим напарником, алкоголичкой матерью в прошлом и алкоголичкой сестрой в настоящем. Её начальник — холёная афроамериканка. Новый напарник — в прошлом бывший агент ЦРУ, в настоящем — профессор психологии, специализирующийся на поведенческих девиациях, автор научного бестселлера, чей литературный агент — афроамериканка. Профессор замужем за коллегой, тоже бывшим агентом ЦРУ. Под статью политкорректному раскладу злодеи и жертвы. Разумеется, среди злодеев нет геев и афроамериканцев, но

зато есть белые или условно белые женщины. Деградирующие белые гетеросексуальные семьи, погрязшие в алкоголизме, нищете, безыдейности и семейном насилии, выгодно оттеняют любящую однополую семью из двух бывших агентов ЦРУ. От толерантности этого компота голова идёт кругом!

Обратите внимание на аннотации к фильмам — это особое искусство заманухи. Открываем список и находим там нелепые сочетания типа «детектив, мелодрама, триллер», «приключения, детектив, ужасы» или «детектив, семейное, фэнтези». О, хрень безумная!

Откуда берётся классика жанра

Вы снова будете смеяться: набор стандартных литературных приёмов трагедии, а детектив — это именно трагедия, описан ещё Аристотелем в его знаменитой «Поэтике». Ах, да! Трагедия, если кто не знает, — это в дословном переводе с древнегреческого «козлиная песнь».

Основа классического детектива — аристотелевские узнавания и перипетии. Узнавание — это переход от незнания к знанию, что есть основа разгадывания любой тайны. Самые лучшие узнавания те, которые соединены с перипетиями. Перипетия — это перемена происходящего к противоположному, совершающаяся по вероятности или по необходимости. Всё во власти автора! Неожиданная перемена обстоятельств в развитии сюжета усложняет фабулу истории, порождая новые версии и новых подозреваемых. В «Поэтике» находим:

«Если кто размажет самые лучшие краски в беспорядке, тот не может доставить даже такого удовольствия, как набросавший рисунок мелом. Кроме того, самое важное, чем трагедия увлекает душу, это части фабулы — перипетии и узнавания».

Увы, но для подавляющего большинства современных авторов Аристотель — неизвестная планета, и пересказывать его — дело неблагодарное. Теперь, если ты писатель, то вовсе и не читатель. Тем не менее, согласно Аристотелю, начало и душа трагедии — это фабула, которая раскрывается через характеры персонажей и мысли самого автора, т.е. через его способность «говорить относящееся к делу и соответствующее обстоятельствам». Через эти детали читатель делается осведомлённее. Способность автора сообщать не только прямо относящееся к фабуле, но соотносящееся с ней делает сюжет увлекательнее.

Важная часть трагедии — текст, под которым Аристотель подразумевает «объяснение действий посредством слов». И в этом проблема: многие современные авторы просто не способны к объяснению действия простыми и понятными словами. Вместо классического узнавания, основанного на простой житейской логике, нам подсовывают либо варианты современных высокотехнологичных *deus ex machina*, либо оккультные и паранормальные авторские фантазии. То и другое необычайно вредит чистоте жанра.

Вывод

Детектив, несмотря на кажущуюся простоту, — это сплав высокого искусства и высокого профессионализма. При условии строгого соблюдения правил не каждому дано увлечь читателя фабулой — бездной тайны, провести его сквозь узнавания и перипетии к разгадке, сделать его соучастником сюжета, заставить его сопереживать героям. Настоящий детектив — это простенько, как сонет: стихотворение в твёрдой форме всего-то из 14 строк, двух катренов и двух терцетов. Вот, «Голубой ангел» — казалось бы, чего проще! Однако как и детектив — не всем...

По счастью, в мире компонентов нет эквивалентов...

Post Scriptum от Льва Овалова

*Что ты всегда находишь в ней,
В плеяде легковесных книжек?
Чем легковесней, тем сильнее!
Я этот лозунг в сердце выжег.*

*Я сам поднялся в высоту,
Которая мне недоступна,
Я сам себя за книги чту,
Хоть это, может быть, преступно.*

*Истратив четверти чернил,
Познав щету расхожих истин,
Я мимоходом подчинил
Красавиц, как Агата Кристи.*

*Хочу — кричу, хочу — молчу,
Противниц у меня всё меньше,
Подвластны моему мечу
Сто тысяч ошалелых женщин.*

*Не нужны женщинам чины
И деньги, в силе — только чтиво!
Все женщины подчинены
Железной воле детектива.*

*И я ни капли не солгу,
Своими вдохновлённый снами —
Я знаю: женщины в долгу
У книжек, сочинённых нами.*

ПУБЛИКУЕМ ОТРЫВКИ ИЗ НОВОЙ КНИГИ ВЛАДИМИРА ПООЛЯ «СУДЬБЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ ЭСТОНИИ 1930-1950 ГОДОВ. ИСТИНА ЗАКРЫТЫХ АРХИВОВ». КНИГА ВЫЙДЕТ В СВЕТ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «КПД» В НАЧАЛЕ 2024 ГОДА.

Выстрел в Кадриорге

Осенью 1991 года автор написал статью «Выстрел в Кадриорге» о самоубийстве 29 ноября 1946 года председателя Президиума Верховного Совета Эстонской ССР Йоханнеса Вареса-Барбаруса. Материал в объеме средней статьи был опубликован в таллинских городских газетах «Õhtuleht» и «Вечерний курьер» соответственно на эстонском и русском языках – к 45-й годовщине со дня смерти Вареса.

Первоначально, когда я только начал изучать судьбу Вареса, хотел дать своему рассказу заголовок «Самоубийство в Кадриорге», поскольку в то время был склонен думать, что он сам, по собственной воле, распрощался с жизнью, и я искал в документах подтверждение той единственной версии. Но шестое чувство подсказывало: не будь самоуверен, и я поменял в заголовке слово «самоубийство» на «выстрел», оставив таким образом себе, на всякий случай, путь к отступлению.

В естественную смерть Вареса от болезней, о чем на третий день после кончины официально было сообщено по радио, никто тогда не верил, как не верит в это и сегодня. Одни говорят: президент покончил с собой из-за неизлечимой болезни: то ли яд принял, то ли застрелился. Другие утверждают: он был доведен до самоубийства и застрелился в минуты душевных мук. Третьи считают: Вареса убили. Где правда?

После первой публикации я продолжил изучение судьбы Вареса и получил интересную информацию о таинственных смертях сестры, брата его жены и некоторых лиц из окружения. С учетом новых обстоятельств я опубликовал в газете «День за днем» за 21 ноября 2015 года статью «Трагедия поэта Барбаруса: смерть или убийство?»

С тех пор прошло восемь лет, и я нарыл за этот период новые материалы, имеющие отношение к этой теме. Собственных выводов о причинах смерти Вареса я не выдвигал, не дам окончательных оценок и на сей раз, приведу лишь голые факты и оставлю читателю право самому решать,

какой версии придерживаться. Время покажет – найдутся новые факты, говорят же: архивы не горят.

Попавший под лавину

Слякотное утро пятницы 29 ноября 1946 года было обычным началом трудового дня и не предвещало в Кадриоргском дворце, где размещалась резиденция президента Эстонской Республики, каких-либо трагических событий. Председатель ПВС Йоханнес Варес-Барбарус после 11-дневного пребывания в правительственной больнице был отпущен лечащим врачом Теодором Юргенсоном домой, куда его после обеда 28 ноября перевёз старший группы телохранителей Степан Сергеев. [...] Из больницы Варес вернулся в хорошем настроении, поужинал и попросил жену Эмилию постелить ему в кабинете на втором этаже своей квартиры во дворце.

В 9.00 утра 29 ноября 1946 года, как и в предыдущие дни, на службу в Кадриорг пришёл сотрудник МГБ ЭССР, телохранитель, 25-летний лейтенант госбезопасности, земляк Вареса по Вильяндискому уезду Антс Тяхемаа. Он сменил дежурившего ночью в квартире Вареса коллегу – своего одноклассника лейтенанта Родиона Подгорного. Во дворце было тихо и спокойно. Подгорный, пожелав товарищу хорошего дежурства, ушёл домой, а Тяхемаа направился в служебную комнату на первом этаже: там у телохранителей кроме обычного городского телефона был аппарат секретной оперативной связи с МГБ.

К началу рабочего дня появился заведующий приемной Президиума Эдгар Хыбе, который по сути был личным секретарем Вареса и тоже жил во дворце Кадриорг.

Ещё раньше, в начале девятого, пришла экономка семьи, добрая, покладистая 45-летняя Хильда Янсон, проживавшая в то время в Таллинне по ул. Койду, 31. Она убрала нижний этаж квартиры и к 10 часам приготовила завтрак.

Покушав, Йоханнес пошел к себе наверх, а его жена Эмилия попросила экономку ускорить уборку квартиры,

ЙОХАННЕС ВАРЕС

- Родился в 1890 году в Вильяндиском уезде.
- Окончил гимназию в Пернове, в 1910–1914 годах учился в Киевском университете на медицинском факультете.
- В годы Первой мировой войны служил военврачом.
- Участник Освободительной войны, награждён орденом Крест Свободы.
- В 1920–1930-х годах работал врачом в Пярну.
- На рубеже 1910–1920-х годов начал литературную деятельность под псевдонимом Йоханнес Барбарус.
- С 21 июня по 25 августа 1940 года руководил эстонским правительством, а с вхождением Эстонской ССР в состав СССР 25 августа 1940 года и до самой смерти занимал пост председателя Президиума Верховного Совета Эстонской ССР.
- С сентября 1940 года – член ЦК Компартии Эстонии.
- В 1941–1944 годах во время немецкой оккупации Эстонии находился в эвакуации, после войны вернулся на родину.
- В 1946 году покончил жизнь самоубийством.

так как к хозяину должен был явиться с докладом Эдгар Хыбе, и сама уехала в город за покупками. Янсон проводила хозяйку, продолжила уборку и, проходя мимо настенных часов, мельком взглянула на циферблат: время было десять минут двенадцатого. Перед уходом в город Эмилия предупредила телохранителя Тяхемаа, что хозяин в кабинете, и когда придет Хыбе, надо сразу провести его туда.

Но ещё до этого, после десяти, Варес сам позвонил Хыбе. Трубку взяла секретарша приёмной Хилья Рандла и сообщила, что Хыбе поехал в город на ул. Суур-Карья, 3 к портному Пальму. Варес попросил, чтобы тот явился к нему сразу по возвращении.

Где-то в 11.20–11.30 Хыбе вернулся, но Вареса в кабинете не было. Вскоре экономка Янсон почувствовала недоброе и около 11 часов 40 минут сообщила телохранителю, что хозяин подозрительно долго находится в ванной. Тяхемаа попытался открыть дверь, но ее что-то подпирало изнутри. Через щель он разглядел на полу халат Вареса, решил, что президент упал в обморок, и побежал к Хыбе. А поскольку Варес был тучным, на помощь позвали стоявшего на вахте у парадных дверей дворца милиционера Александра Клауса.

Немного отодвинув дверь лежавшее на полу тело, первым в ванную вошел Хыбе. Варес лежал на левом боку, левая рука закинута к голове, правая опущена вниз. Рядом с правой рукой на полу лежал пистолет вальтер. Хыбе приподнял тело, под ним была лужа крови.

Йоханнес Варес-Барбарус с женой Эмилией на пляже в Пярну.

На окне ванной комнаты лежало письмо на эстонском языке на вырванном из блокнота Вареса листке. Оригинал письма я в руках не держал и где он хранится, не знаю. В материалах, которые я читал, были плохо читаемая фотокопия рукописного письма на эстонском языке и отпечатанный на машинке русскоязычный перевод. Приведу эти документы полностью:

Копия рукописного письма:

Haiguste laviin, mis minust üle käis, on mu organismi nii rikkunud ja kurnanud, et vaevalt see (minu vanuses!) suudab veel taastuda ja muutuda töövõimeliseks.

Nüüd, kui nõukogude töös on vaja eluvõimelisi töötajaid, tunnen end ootamatu südamehaiguse, kõrge vererõhu ja närvinõrkuse tõttu täiesti töövõimetuna kõigis liinides.

See on masendav ja raske tunne, mis sunnib tegema järeldusi, kuna teist väljapääsu ei ole.

Käesoleval momendil võtab haigus sellise vormi ja pöörde, mis tuleb ennetada ainult endal. Kardan kõige hullemat – meelesegadust, vaimset sandistamist.

Andestage kõik, kes mõistavad minu tegu.

/Varese initsiaalid/

Перевод на русский язык:

Лавина болезней, прошедшая через меня, настолько расстроила и истощила мой организм, что вряд ли он в моем возрасте сможет ещё воспрянуть и стать трудоспособным.

Теперь, когда в советской работе нужны жизнеспособные деятели, я чувствую себя из-за неожиданной болезни сердца, высокого кровяного давления и ослабления нервов совершенно нетрудоспособным во всех отрядах.

Это угнетающее и тяжелое чувство, заставляющее делать выводы, ибо других перспектив нет.

В данный момент болезнь принимает такие форму и оборот, которые необходимо предупредить самому. Опасаюсь самого худшего – помешательства, духовной инвалидности.

Простите все, кто понимает мое состояние.

/Инициалы Вареса/

Приписка красным карандашом:

«Прости, дорогая Сиутс. (Варес и близкие к семье люди называли Эмилию Сиутс. – В.П.) Ты – героическая утешительница. Знаю, что своим шагом ломаю и Твою жизнь.

Не могу больше.

/Инициалы Вареса/

[...] Хыбе прочитал письмо и положил его на прежнее место.

О случившемся Тяхемаа немедленно доложил в МГБ ЭССР, а Хыбе стал звонить врачам. Министр госбезопасности Эстонии генерал-майор Борис Кумм по факту смерти Вареса отправил срочную шифртелеграмму министру госбезопасности СССР генерал-полковнику Абакумову, проинформировал о происшествии первого секретаря ЦК Компартии Эстонии Николая Каротамма, председателя Совета министров ЭССР Арнольда Веймера и направил в Кадриорг оперативно-следственную группу (ОСГ) во главе со своим заместителем полковником Александром Михайловым.

В ОСГ вошли начальник следственного отдела МГБ Эстонии майор Идель Якобсон, начальник отдела 2 Н (борьба с терроризмом) капитан Эдуард Неэлус и заместитель начальника 2-го отдела (контрразведка) старший лейтенант Иоган (Juhan) Салмоланен. Из сохранившихся документов видно, что уже через 40 минут после обнаружения трупа Якобсон допрашивал экономку Хильду Янсон, а Неэлус – телохранителя Антса Тяхемаа. В тот же день Неэлус допросил и личного секретаря Вареса Эдгара Хыбе.

В кабинете, где Варес провел последнюю ночь, Неэлус обнаружил и приобщил к материалам расследования красный карандаш «Viktoria Sor».

Вскоре в Кадриорг приехала группа медиков в составе главного врача клиники советско-партийного актива доктора Ю. Дешалит, врача-ординатора А. Мардна и врача-терапевта Е. Васильевой.

Около 12 часов вернулась из города Эмилия. Эдгар Хыбе рассказал ей о случившемся и о том, что муж оставил предсмертную записку, которая лежит на окне. Эмилия прочитала письмо и вернула его Хыбе. Последний передал его заместителю министра госбезопасности Эстонии Михайлову.

Вечером 29 ноября в 21 час 30 минут в Президиуме Верховного Совета собралась Государственная комиссия по выяснению обстоятельств смерти Вареса в составе восьми человек: председатель Совета министров ЭССР Арнольд Веймер (председатель комиссии), заместитель председателя Президиума Верховного Совета Нигол Андресен, секретарь ЦК КПЭ Сергей Сазонов, прокурор республики Каарел Паас, председатель Верховного суда Рудольф Тимм, министр госбезопасности Борис Кумм, первый заместитель министра здравоохранения Арнольд Фридрих Рейман и генерал-лейтенант Николай Горлинский.

[...] Комиссия постановила:

- изучить ход болезни и причину смерти;
- выяснить обстоятельства, могущие быть косвенными причинами смерти;
- проверить оставшиеся у Вареса документы.

Решено было образовать рабочую подкомиссию в составе Андресена, Пааса, Реймана и Кумма. В документе названные лица указаны в обратной последовательности, то есть на первом месте стоит фамилия руководителя МГБ ЭССР Кумма, а на последнем фамилия заместителя председателя Президиума Верховного Совета Эстонии Нигола Андресена.

Была образована также врачебно-экспертная комиссия в составе первого заместителя министра здравоохранения ЭССР А. Ф. Реймана, главного республиканского судебно-медицинского эксперта Р. Кябина и главного республиканского нейрохирурга Ф. Раудсеппа. Решили включить в комиссию двух «нейтральных» врачей: терапевта из Ленинграда и одного военного врача. Кто внес предложение о нейтральных врачах, неизвестно. Одним нейтральным врачом был главный терапевт Краснознаменного Балтийского Военно-морского флота полковник медицинской службы, профессор Мастбаум, другим – начальник терапевтического отделения Таллиннского гарнизонного госпиталя майор медицинской службы Н. Игнатъев. Данных о терапевте из Ленинграда в материалах расследования нет.

На второй день после самоубийства, утром 30 ноября 1946 года, главный судебно-медицинский эксперт ЭССР Р. Кябин и судебно-медицинский эксперт Таллинна П. Педусаар произвели в прозекторской Республиканской клинической центральной больницы вскрытие трупа Вареса и из тела извлекли пулю. Варес был полным человеком, пуля пробила ему сердце и застряла в мышцах спины, недалеко от позвоночника. В отпечатанном протоколе судебно-медицинского вскрытия отмечено, что при вскрытии присутствовали заместитель прокурора Эстонской ССР Сергей Никифоров, первый заместитель министра здравоохранения Рейман, начальник правительственного лечебно-санаторного управления Побус и главный терапевт Балтийского флота профессор, полковник медицинской службы Мастбаум, но на том экземпляре протокола, который подшит в деле, подписей этих лиц нет. Лечащих врачей Юргенсона и Мардна на вскрытие не пригласили и их фамилий под протоколом тоже нет.

Протокол судебно-медицинского вскрытия официально зарегистрирован под № 327. Он составлен на 7 печатных листах и состоит из 86 пунктов. На основании данных вскрытия судмедэксперты пришли к заключению:

Причиной смерти гр-на Вареса Йоганеса Яковлевича (так написано в протоколе, «гр-на» означает «гражданина». – В.П.) явилось пулевое ранение, прободавшее правое предсердие, легочную артерию, обусловившее тампонаду сердечной сумки и вызвавшее кровоизлияние в левую плевральную полость. Выстрел был произведён с весьма близкого расстояния. Пуля вошла с левой стороны грудной клетки между 3-м и 4-м ребрами около грудины и застряла в толще спинных мышц, слева от позвоночника, на высоте 5-6 грудных позвонков.

Смерть была скорой. Из прижизненных заболеваний отмечается развитый общий атероматоз артерии, особенно артерии оснований мозга и венечных артерий сердца, аорты и ее клапанов. Кроме того, отмечается перерождение сердечной мышцы вместе с гипертрофией левого желудочка, перерождение печени и обеесторонние сращения плевры с грудной клеткой и хроническое воспаление левой гайморовой полости».

Правительственная комиссия изучила историю болезни Вареса, протокол судебно-медицинского вскрытия трупа, материалы разбирательства обстоятельств смерти и вынесла свой вердикт:

«Паталого-анатомический диагноз прижизненных заболеваний показал, что они были выражены сильнее, чем можно предполагать по данным клинического обследования.

Перенесённое в сентябре, октябре и начале ноября месяцев 1946 года заболевание с гриппозным явлением было толчком к усиленному развитию патологических процессов в кровеносных сосудах и сердце, которые проявлялись объективно в ухудшающемся самочувствии, часто появляющихся головных болях, чувстве тяжести в области сердца, но которые он старался скрывать от жены и окружающих. Варес как врач отдавал себе отчет в прогрессирующем понижении работоспособности и возможных последствиях своего заболевания, что вызвало у него острое состояние депрессии, во время которого он решил опередить ход болезни.

Исходя из вышеизложенного, Правительственная комиссия приходит к выводу, что Варес Й. Я., находясь в тяжелом болезненном состоянии, покончил жизнь самоубийством».

Осанна президенту-поэту

В воскресенье 1 декабря гроб с телом выставили в театре «Эстония» для прощания. Первыми у гроба с траурными повязками на рукавах встали: с одной стороны – первый секретарь ЦК КП(б) Эстонии Николай Каротамм, В. Ефремов (должность не установлена) и адмирал Флота Советского Союза Владимир Трибуц, с другой стороны – генерал-лейтенант Горлинский (Дрищев), второй секретарь ЦК КП(б) Эстонии Сазонов и председатель Совета министров ЭССР Веймер. С утра полилась траурная музыка. Партийная газета «Rahva Hääl» по случаю траура опубликовала оперативно сочиненное эстонским поэтом Мартом Раудом стихотворение «Lein lipud langetas» – «Траур знамена приспустил».

Некролог подписали 70 человек. В нём описывались большие заслуги покойного в деле строительства социализма в Эстонской ССР. Было отмечено также участие Вареса в Первой мировой войне: «Полковой врач Варес своим заботливым отношением к российским солдатам завоевал их большую любовь и уважение». Завоевал ли полковой врач Варес любовь и уважение эстонских солдат в Освободительной войне, которую Эстония вела в 1918–1920 годах против Советской России, – об этом ничего не было сказано, как не отмечался и факт его участия в этой войне и награждения за это орденом Крест свободы.

Официально сообщалось, что товарищ Варес умер от скоротечной, но тяжелой болезни. Притом власти Эстонии ждали, чтобы о кончине Вареса сначала объявила Москва: негоже было республике первой объявлять о смерти заместителя председателя Президиума Верховного Совета СССР. (Председатели Президиума Верховного Совета всех 15 советских республик одновременно являлись заместителями председателя ПВС СССР. – В.П.) Только после московского радио заговорило эстонское, и в республике вывесили траурные флаги.

3 декабря 1946 года Вареса похоронили на Метсакальмисту. 4 декабря оплакивание продолжалось, но уже 5 числа, в День сталинской конституции, о покойном все забыли, а газеты вышли с большими портретами вождя и осанной в его адрес.

Почетный караул у гроба председателя Президиума Верховного Совета Эстонской ССР Йоханнеса Вареса в концертном зале «Эстония».

Похоронная процессия Йоханнеса Вареса на Нарвском шоссе.

«Умер от коммунизма»

Москву и руководство Эстонии очень интересовало, какую реакцию у народа вызвало известие о смерти первого президента молодой Эстонской советской республики. 4 декабря 1946 года министр госбезопасности ЭССР генерал-майор Кумм направил на имя министра госбезопасности СССР генерал-полковника Абакумова и уполномоченного МВД-МГБ СССР по Эстонии генерал-лейтенанта Горлинского спецсообщение под заголовком «О настроениях среди населения гор. Таллинна по поводу смерти Председателя Президиума Верховного Совета Эстонской ССР товарища Вареса И. Я.» На документе пропечатан гриф секретности «Сов. секретно». Под грифом рукой Кумма сделана пометка «ОК», что означает не «окей», а «особо конфиденциально».

По смыслу текста спецсообщение можно разделить на два раздела: в начале приводятся четыре положительных отклика, они исходят из уст официальных лиц и высказаны открыто в рабочей обстановке:

Работник типографии «Коммунист» Юрисоо: «Варес – большой поэт, мы готовили к печати сборник его стихов. В лице Вареса эстонский народ потерял великого человека».

Старшая машинистка Совета министров ЭССР Виллем: «Варес был очень хорошим человеком, прост и доступен. Я часто сидела с ним вместе на собраниях. Мне говорили очевидцы, что, когда он занимался врачебной практикой, то не принимал от бедных людей денег, а на лекарства давал им ещё свои деньги, народ его любит».

Врач поликлиники Кархом: «Варес был крупным государственным деятелем, горячо любил свою родину и отдавал все силы для улучшения ее благосостояния».

Управляющий трестом газводоканализации Трофимов: «Варес – видный человек в Советском Союзе. Эстонцы его любили, людей на похоронах было очень много. В магазинах не хватало цветов, нашей организации пришлось купить венок за городом».

Во второй части особо конфиденциального спецсообщения 16 откликов и все они – сплошной негатив. Эта информация оперативная, получена из неофициальных источников (агентуры, доверенных лиц) и поэтому, думается, ближе к тем мыслям и настроениям, которые были в то время у эстонского народа. Приведу несколько выдержек из многостраничного спецсообщения:

«Источник «Сигар» привёл слова буфетчицы ресторана «Палас» Мильвека: «Варес покончил с собой из-за того, что разочаровался в своей деятельности. Он был другом президента Пятса. Когда Пятса выслали и позже арестовали, то он этому не противился, а теперь понял, что пошел как эстонец по ложному пути».

Источник «Вари» сообщил, что директор совхоза «Нымкюла» (личность устанавливается) говорил, якобы в управлении совхозов рассказывали, что «Веймеру и Варесу было предложено провести массовое выселение эстонцев в Сибирь. Варес с этим не был согласен и поэтому покончил жизнь самоубийством – принял яд».

Источник «Лауреат» сообщил, что он имел разговор с жительницей Тал-

линна Рейман, муж которой арестован МГБ ЭССР за антисоветскую деятельность. Последняя по поводу смерти Вареса говорила: «Хорошо, что он умер сейчас, может быть, позже ему пришлось бы умереть где-нибудь в тюрьме. У меня политические убеждения другие. Мне, конечно, жаль Вареса как поэта и хорошего человека, но он ведь – коммунист».

Источник «Ленинградский» привёл высказывания инспектора Рыбохраны Самона (объект разработки): «Я должен был уехать в командировку, но остался в Таллинне на два дня, чтобы собственными глазами увидеть весь этот маскарад, устроенный вокруг смерти Вареса. Для чего вся эта ложь! Мы отлично понимаем, что в данном случае смерть не естественная, а налицо убийство. В скором времени все наши главари покончат с собой, а если они этого сами не сделают, то их прикончат эстонские патриоты. [...] Я лично думаю, что самоубийство Вареса активизирует действия патриотов, и при помощи Англии и Америки будет восстановлен старый буржуазный строй».

По информации «Ленинградского» работник отдела флота Эстонского морского пароходства Освальд Гамбург высказался: «Я полагаю, что дело Вареса не останется без последствий. Он пришёл к убеждению, что виновен перед эстонским народом, потому, наверно, и покончил с собой. Эстонцы считают коммунистов предателями, и им придётся ответить за свои преступления».

Источник Тяхт сообщил, что 1 декабря 1946 года в ресторане «Линда» между четырьмя неизвестными про-

исходил разговор, один из которых заявил: «*Варес убил себя сам ввиду того, что он понял, что такое коммунизм, и больше не хотел сотрудничать с коммунистами и вести свой народ в беду*».

Артистка Эстонской Государственной филармонии Кирсти Кари на вопрос своего знакомого «От какой болезни умер Варес?» ответила: «От коммунизма!»

Одни усмеваются, другие слёзы льют

О высказываниях людей по поводу смерти Вареса министр госбезопасности Эстонии Борис Кумм кроме Москвы постоянно докладывал и первому секретарю ЦК Компартии Эстонии Николаю Каротамму, этих докладов в материалах на Вареса нет, они, видимо, хранятся где-то в партийных архивах. Но зато сохранились спецсообщения, направленные заместителем Кумма полковником Михайловым в период с 6 по 15 декабря 1946 года председателю Совета министров Эстонской ССР Арнольду Веймеру. На этих документах под грифом «Сов. секретно» вместо рукописного «ОК» напечатаны два слова «Только лично». Всего Михайлов направил Веймеру пять сообщений, в которых описаны сорок откликов жителей Таллинна на смерть Вареса. Об особо резких выражениях таллиннцев главе республиканского правительства Михайлов докладывать не стал: негоже расстраивать местное начальство. Приведу отрывки из некоторых отзывов.

Проживающий в Таллинне Алтмяэ: «*Теперь этой осенью, видимо, будет время большого мора птиц. Мы ходили на похороны одной важной птицы. Что-то застряло у нее в горле, и она отдала концы*» («Варес» переводится с эстонского как «ворон». Под «важной птицей» Алтмяэ подразумевает Вареса. – **В.П.**).

Проживающая в Таллинне Мерила: «*Сегодня были похороны тов. Вареса. Мы как раз проезжали мимо «Эстонии», когда шествие двинулось. Провожających вместе с войсками было примерно 7-8 тысяч человек. Все было хорошо организовано. Единственной ошибкой было то, что гроб везли на лафете немецкой пушки, в упряжке были три пары трофейных немецких белых лошадей и катафалк соорудили военнопленные немцы. Таковы дела в Советском Союзе*».

Много информации о настроениях людей взято из перлюстрированных писем жителей Таллинна.

Проживающая в Таллинне Виремаа: «*На родине так много новостей. Умер Варес. На эту весть наши эстонцы реагируют по-разному: одни усмеваются, другие слёзы льют*».

Студентка Сьэльсепп: «*Вчера у нас должна была быть вечеринка курса, все приготовления были сделаны, гости приглашены, но днем пришло сообщение, что неожиданно умер тов. Йоханнес Варес-Барбарус, и всякие увеселения запретили*».

Проживающая в Таллинне Лееметс: «*Два часа были в школе, потом должна была быть контрольная работа по физике, но мы от неё спаслись. Повезло! Нас послали на похороны Вареса. Если каждый день умирал бы кто-нибудь, кого нужно помпезно хоронить, то мы были бы на седьмом небе*».

Жительница Таллинна Хабак: «*У нас сейчас большой траур, так как президент нашего государства перешел на тот свет – прочь отсюда, из страны-забот!*»

Жительница Таллинна Яласт: «*В концертном зале театра «Эстония» народ ходит смотреть Вареса. Вначале у него был грипп, потом, кажется, рак носа и что-то там ещё. Спасти его не смогли, говорят, он умер на операционном столе*».

Проживающая в Таллинне Кукк: «*Ходили в «Эстонию» смотреть Вареса. Покойный был в гробу, покрытом красным бархатом, было очень много цветов. Вчера мимо нашего дома проходила похоронная процессия, я сидела у окна и хорошо всё видела. Гроб был уложен на орудийный лафет, который везли шесть белых лошадей. За гробом шли военные, рабочие предприятий, студенты, школьники. Я насчитала 201 венков. Демонстрация продолжалась целый час. Жаль, погода была скверная: шёл снег, лил дождь, было много грязи. По радио передавали, что Вареса похоронили рядом с Лидией Койдула на Метсакальмисту. Будет хорошая погода, съезжу на могилу*».

Жительница Таллинна Таглас (так в спецсообщении, видимо, Туглас. – **В.П.**): «*У нас в связи со смертью Вареса-Барбаруса печальные дни. Умер он внезапно, и сейчас я слушаю по радио передачу, которая посвящена ему. Он был чудесный и приятный мужчина. Умел слушать и утешать меня, заботился о нас всесторонне. Очень жаль старого друга и хорошего человека*».

Реакция людей на смерть и похороны Вареса была разная. Народ хотел знать, что же в действительности произошло. То, что Варес умер не своей смертью, знали уже в первый день.

Не помогли ни подписки о неразглашении факта самоубийства, ни строгие предупреждения врачей, прислуги, охраны о необходимости держать язык за зубами. Молчание властей, желание скрыть истинную причину смерти только подлили масла в огонь – Варес убит. Одни считали, что его отравили, другие – что застрелили.

В целом, простой люд по Варесу скорбел. В кинотеатрах шёл фильм «Серенада солнечной долины» с голубоглазой норвежской красавицей Сони Хени в главной роли. Власти не запретили эту, в то время очень популярную, развлекательную ленту к просмотру, но у касс народу было мало, многие не пошли в кино, считая, что веселье неуместно, когда хоронят уважаемого человека. Уважение к Варесу как к поэту Барбарусу было у эстонцев несомненно, больше, чем к Варесу-президенту.

Был ли тайный документ?

Мне приходилось слышать, что в сейфе Вареса нашли какой-то документ, отражающий негативную оценку им сталинской политики, его гнетущее состояние и истинную причину последующей трагедии. По этому поводу не могу ничего сказать. Знаю только, что сейф вскрыли прокурор республики Паас, заместитель председателя Президиума Верховного Совета Эстонии Андресен и министр госбезопасности Кумм. Они втроем составили и подписали акт о том, что «в результате осмотра сейфа Вареса материалов, имеющих отношение к самоубийству, не обнаружено». Какого характера были изъяты из сейфа материалы, которые не имели отношения к самоубийству, в акте не отражено.

В портфеле Вареса были найдены предметы, которые, согласно выводу следствия, имеют отношение к делу о самоубийстве: пустая кобура от пистолета, авторучка «Reinhold 615» и блокнот, из которого были вырваны листы. На одном из таких листов авторучкой Вареса была написана предсмертная записка: «Лавина болезней, прошедшая через меня...»

В таллиннской вечерней газете «Õhtuleht» от 2 декабря 2006 года была опубликована статья Аллара Вийвика «Enesetapp presidendilossi vannitoas» («Самоубийство в ванной комнате президентского дворца»), в которой он пишет, что Варес оставил два прощальных письма: одно, которое нашли на окне ванной комнаты (оно приведено выше), а другое было адресовано заместителю Вареса по ПВС Ниголу Андресену. Во втором

письме Варес якобы описал истинные причины, побудившие его уйти из жизни. Вийвик не даёт ссылку на первоисточник своего утверждения, в имеющихся материалах никакой информации о втором письме нет, и, скорее всего, его и не было. Если оно действительно было, и Андресен хранил его у себя, то теперь его надо искать совсем в других делах: в марте 1950 года у Андресена провели обыск, обвинили его в буржуазном национализме и на 25 лет упрятали в один из сибирских лагерей (в 1955 году освобождён и реабилитирован).

Версия: самоубийство

Если придерживаться версии самоубийства, то я глубоко убеждён: на решение покончить с собой, которое принял Варес-врач, оказал влияние поэт Барбарус. Обосновываю свои доводы на материалах расследования.

Старший группы телохранителей (прикреплённый) капитан Степан Сергеев постоянно находился при Варесе. Вот что он рассказал 30 ноября 1946 года начальнику следственного отдела МГБ ЭССР майору госбезопасности Якобсону на допросе: *«В последнее время, как мне приходилось замечать, у Вареса было исключительно подавленное настроение, за два месяца он совершенно изменился. Если раньше он ежедневно или почти ежедневно гулял по парку, ездил на охоту, принимал людей, то теперь совсем замкнулся, перестал просматривать поступающую почту, в больнице его настроения не изменились, хотя он и стал чувствовать себя лучше».*

Отчего же у прежде жизнерадостного, оптимистичного Вареса за последние два месяца сильно упало настроение и высоко поднялось кровавое давление?

В Советском Союзе во все времена вёлся надзор за идеологической направленностью периодических изданий, театральных представлений, кинофильмов и радиовещания. Даже в самый разгар большой войны, в 1943 году, секретариат ЦК ВКП(б) выкроил время, чтобы принять постановление «О контроле над литературно-художественными журналами». После войны надзор усилился. За идеологические вопросы в партии и государстве с начала 1946 года стал отвечать правая рука Сталина, член Политбюро и секретариата ЦК Андрей Жданов. 7 августа того года на стол Жданову легла докладная записка «О журналах «Звезда» и «Ленинград», которую подготовили заведующий управлением пропаганды и агитации ЦК Георгий Александров и его заместитель Александр Еголин.

Реакция на докладную была скорой: уже через неделю, 14 августа, вышло печально известное постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», которое указывало руководству этих изданий на недопустимость предоставления страниц «таким пошлякам и подонкам литературы», как автору «омерзительной вещи» под названием «Перед восходом солнца» Зощенко и «типичной представительнице чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии» Ахматовой. Творчество Ахматовой Жданов расценил ещё как «поэзия взбесившейся бырыньки, мечущейся между будуаром и молельной». Союз писателей СССР исключил Зощенко и Ахматову из своих рядов как литераторов, впавших в пессимизм, не участвующих активно своим творчеством в социалистическом строительстве и утративших право на получение хлебных карточек.

Постановление затронуло судьбы многих других писателей-вольнотум-

цев, которых подвергли серьёзной критике на собраниях собратьев по перу и на долгие годы отлучили от литературы.

Не обошли вниманием и Йоханнеса Варес-Барбаруса. В сентябре 1946 года его вызвали в Москву на ковёр, хорошенько пропесочили и предложили переделать свои непатриотические и малоидейные стихи. Какие стихи подлежали переработке и кто его профилировал, неизвестно.

Варес как председатель Президиума Верховного Совета ЭССР одновременно являлся заместителем председателя ПВС СССР, которым после Михаила Калинина с 19 марта 1946 года стал Николай Шверник. При высоком статусе Вареса профилактическую беседу с ним могли провести на уровне не ниже Георгия Александрова или Николая Шверника. С Варесом мог побеседовать даже сам Андрей Жданов, они были знакомы ещё с 1940 года, то есть с того периода, когда Жданов включил его в состав первого советского правительства Эстонии.

Московские наставления убийственно подействовали на эмоционального Вареса. 30 ноября 1946 года Якобсон вторично вызвал Сергеева на допрос и задал ему один-единственный вопрос: «С какого времени вы заметили перемены в настроении Вареса?» Телохранитель Сергеев откровенно ответил: «Резкая перемена в настроении Вареса произошла после приезда из Москвы». Далее Сергеев инициативно рассказал следующее: *«Я желал бы добавить к своим словам, что сегодня имел беседу с супругой Вареса Эмилией. Выражая скорбь по мужу, она рассказала, что теперь ей становится понятной причина, вызвавшая перемену его поведения после приезда из Москвы. По словам Эмили, на Вареса, по-видимому, подействовали те замечания, которые были высказаны в Мо-*

Йоханнес Варес и Нигол Андресен в Москве.

Выступление Йоханнеса Вареса в Колонном зале Дома Союзов.

скве в отношении его писательского труда и предложение переделать стихи». От себя Сергеев добавил: «После приезда из Москвы Варес резко изменил отношение к книгам и не притрагивался к своему труду, над которым прежде много работал».

В довоенной самостоятельной Эстонской Республике Варес ни в одной политической партии не состоял, все время был в оппозиции к правительству и часто подчёркивал, что он на стороне тех, кого обижают. С учётом таких личных качеств, жизненной позиции и поэтической известности его не раз приглашали в числе других, как тогда говорили, «прогрессивных» литераторов западного мира в СССР. В 1928 году из Эстонии в Москву пригласили сразу двух литераторов – Вареса и Йоханнеса Семпера (позже при новой власти он станет автором слов гимна советской Эстонии). На одном из пышных приёмов Вареса и Семпера усадили за стол рядом с всемирно известным писателем Стефаном Цвейгом. Эстонцы расцвели, почувствовали свою значимость. Приглашённых хвалили за защиту эксплуатируемого народа в своих странах, но о том, как живёт советский народ, правдивой информации им не давали.

У Вареса сложилась положительная картина о жизни в СССР, поэтому он и согласился в 1940 году с предложением Жданова войти в состав нового советского правительства и начать строить вместе с народом социалистическую Эстонию. Протрезвление пришло позже.

Конечно, у поэта Барбаруса были основания для переживаний и душевных мук. В 1945 году он удостоивается звания «Заслуженный писатель ЭССР». В июле 1946 года за плодотворную творческую и государственную деятельность ему вручают орден Ленина. А уже через пару месяцев возникают трудности с изданием стихов, требуют, чтобы он их переработал. В одном из стихотворений Варес высказал такую мысль: я могу делать только дело, в справедливости которого я убеждён, а если по принуждению, то слово за «маузером». Но у него был вальтер.

В крепких тисках

В спецсообщении Кумма в Москву в числе многих откликов жителей Таллинна по поводу смерти Вареса были приведены слова заведующего отделом флота Эстонского морского пароходства Абрамсона: «Жаль Вареса, он принимал активное участие в устройстве новой жизни, а теперь разочаро-

вался в коммунизме и жить стало ему не по силам. У него не было другого выхода, так как он был в тисках окружающих его людей, и освободиться от них он мог только одним способом – уходом из жизни. На его месте я поступил бы также».

Абрамсон прав: Вареса действительно сжимали тиски большого и малого калибра. Главным сжимающим аппаратом было Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии, которое было образовано по личному указанию Сталина в 1944 году, когда на острове Сааремаа в Эстонии ещё шли бои.

Председателем Бюро был Николай Шаталин, но он часто болел, и всеми делами практически руководил его заместитель Георгий Перов – человек малообразованный и грубый.

В Бюро были надзорные инспекторы, которые курировали все сферы жизнедеятельности республики: партийное и советское строительство, идеологию, пропаганду, культуру, литературу, образование, науку, промышленность, сельское хозяйство и другие вопросы.

В 1941 и в 1944–1950 годах редактором газеты «Советская Эстония» был Даниил Руднев. 13 августа 1992 года в той же газете, которая, правда, к тому времени потеряла из своего названия прилагательное «Советская», старый журналист Руднев написал в статье «Десант Старой площади»: «...в аппарате Бюро были разные люди. Были карьеристы, высокомерные, уверенные в своём праве поучать, требовать, взыскивать. Всё самобытное в республике вызывало у них настороженность и даже решительное неприятие. Их раздражало всё, что было здесь «не так, как в России».

Все мало-мальски значимые вопросы республика должна была решать с согласия Бюро, Варесом командовали, как хотели. Руднев приводит такой пример. Как-то в третьем часу ночи Перов позвонил в редакцию и дал команду: в утренней газете опубликуйте материал о местных Советах. Статью якобы написал он сам, но в газете она должна была появиться за подписью председателя ПВС Вареса. Руднев попытался воззвать к совести Перова: неудобно в позднее время будить больного Вареса. Перов прервал газетчика: ничего, разбуди, мы вот, работаем, не спим, а он в кровати нежится, статью прочти ему по телефону, хватит и того. Утренняя газета вышла со статьёй Вареса, к которой он не имел никакого отношения и которая не содержала его мыслей.

В сентябре 1946 года Вареса вызвали на беседу к первому секретарю ЦК

КПЭ Николаю Каротамму. Состоялась ли эта беседа до московской профилактики Вареса или после неё, теперь уже точно не установить. Спустя годы телохранитель Тяхемаа расскажет, что, когда они прибыли в ЦК, у Каротамма были важные столичные гости, которые уже ждали Вареса. Тяхемаа остался ждать шефа в приёмной. С его слов, первый час беседы прошёл спокойно, а потом послышалась брань, донеслись слова «арестуем» и «1 декабря». Тяхемаа сделал вывод: если к 1 декабря Варес что-то не исполнит, то его арестуют.

Много слёз пролито в подушку

Варес был тщеславен, позёр, ему с юности нравилось быть в центре внимания. Вольдемар Пинн в книге «Kahe mehe saatus» описывает оригинальные черты характера поэта Барбаруса: в школе отказывался надевать ремень, форменную фуражку надрезал сверху и носил её набекрень, в сочинениях по русскому языку упорно не ставил твёрдый знак, публиковал стихи в подпольной школьной газете. На вечер конфирмантов пришёл в сандалиях на босу ногу, как Иисус, и белой рубашке апаш с жабо в стиле времён Шиллера. Да и псевдоним поэт Варес взял оригинальный – barbarus, то есть «варвар».

Варес был ранимым человеком. Первую травму он получил в 1940 году, сразу после установления в Эстонии советской власти, когда во время его выступления на митинге в Таллинне кто-то выпустил чёрного ворона с обрезанными крыльями и натянутыми на лапы красными шароварами. Намёк был прозрачен. К Варесу люди обращались с просьбами заступиться за арестованных близких и друзей, помочь которым было не в его силах, и он сильно из-за этого переживал. Эмилия рассказывала подруге: «Только я знаю, сколько слёз Йоханнес по ночам проливает в подушку».

Весть о профилактике Вареса стала известна окружению, пишущей братии, и его стали сторониться: никто, кроме жены и тещи, в больнице его не навещал. Правда, разок по служебным делам побывал у него секретарь ПВС Вольдемар Йоханнес Теллинг.

За шесть дней до рокового выстрела Варес написал на больничной койке приветствие участникам 1-го Съезда эстонских советских писателей. Оно выдержано в духе того времени и заканчивается словами: «Да здравствует наш Путеводитель, Учитель и Вождь – Великий Сталин!» Вынуж-

денная показная искренность добавила ранимой душе поэта дополнительные муки.

Странное расследование

Настоящего расследования причин смерти Вареса ни по горячим следам, ни позднее не проводилось. Уголовное дело не возбуждалось, версия об убийстве вообще не рассматривалась, разбирательство велось в одном русле – самоубийство. Резонно полагать, что было необходимо в присутствии понятых провести тщательный осмотр места происшествия. Этого сделано не было. Допросы проводили не следователи, наделённые законом особыми правами, а начальник следственного отдела, начальник отдела по борьбе с терроризмом и заместитель начальника отдела контрразведки. Известно, что там, где начальники подменяют подчиненных, ими допускаются своеволие, отклонения от установленных требований. Охранявший Вареса в ночную смену Родион Подгорный не был допрошен, как не допрашивался и комендант дворца Теллинг. Протоколы допросов, которые проводили Якобсон, Неэлус и Салмолайнен, не соответствовали правовым нормам. Допросы должны оформляться протоколами, людям необходимо объяснить их права, по какому делу и в качестве кого их допрашивают, в протокол вносятся данные о личности, время начала и конца допроса. Подшитые в дело протоколы больше похожи на вольные записи бесед.

За время почти двухнедельного отсутствия Вареса в Президиуме Верховного Совета накопились неотложные дела, которые он должен был начать решать сразу после выписки из больницы, и утром 29 ноября секретарь приёмной Тяхе обязан был явиться к нему с докладом. Но вместо того, чтобы дожидаться вызова на доклад, Тяхе уезжает к портному и возвращается только к обеду. Утром Варес сам начинает разыскивать подчинённого, звонит секретарше и от неё узнает, что Тяхе уехал в город. Варес даёт секретарше команду, чтобы Тяхе зашёл к нему сразу по возвращению. И после такого разговора он спокойно идёт в ванную стреляться, а звук от гулко выстрела из вальтера никто не слышит. Все это как-то нелогично.

Помылся и побрился ли Варес перед самоубийством, в открытом или закрытом положении было окно в ванной – об этом информации в деле нет. Если окно было открыто, то необходимо было исследовать подоконник и землю под окном (преступник

мог легко выпрыгнуть из окна второго этажа и скрыться).

К материалам расследования не приобщены ни гильза от отстрелянного патрона, ни извлечённая из тела Вареса пуля. А ведь когда идет речь об известных людях, будь то убийство или самоубийство, обязательно хранятся не только отстрелянные гильзы и пули, но и – как в случае с поэтом Маяковским – даже само оружие и окровавленная одежда.

Изъятый на месте происшествия вальтер № 264516 исследовался дважды. Вначале его осмотрел эксперт научно-технической группы оперативного отдела Управления милиции МВД ЭССР Мазинг. Он опылил пистолет алюминиевым порошком и при специальном освещении обнаружил на поверхности кожуха ствола и на передней стенке рукоятки следы пальцев, но для идентификации они не годились. В периферийной части рисунка также не оказалось достаточного количества особенностей, необходимых для установления личности. А ведь перед выстрелом самоубийце необходимо было держать пистолет двумя руками (иначе патрон в патронник не дошёл), а потом ещё взвести курок и нажать на спусковой крючок. Странно, что после всех этих действий на пистолете не осталось отпечатков, годных для идентификации.

После Мазинга техническое состояние пистолета осмотрел не эксперт, а начальник артиллерийского снабжения 118-й Гвардейской Эстонской дивизии подполковник Альфред Кандре, конкретные вопросы по части экспертизы оружия ему со стороны следствия не ставились. Кандре только установил, что оружие исправно и боеспособно. В дульной части было обнаружено немного несгоревшего пороха – признак выстрела в упор. Но извлечённая из тела Вареса пуля для исследования не передавалась, и подполковник не смог сделать основной вывод: была ли эта пуля выпущена именно из пистолета самоубийцы.

Кандре получил для исследования также обнаруженную в ванной комнате отстрелянную гильзу. Он установил, что эта гильза является гильзой патронов того же калибра и марки, которыми был заряжен исследуемый пистолет. Такое заключение мало что даёт для расследования, главного вывода – отстрелян ли патрон с представленной им гильзой из пистолета Вареса – не сделано.

Восьмизарядный пистолет Вареса нашли рядом с трупом. Один патрон был в патроннике, пять – в магази-

не, гильза – на полу, пулю достали из тела. Возникает вопрос: где восьмой патрон? А если был ещё один выстрел, то где тогда вторая гильза и вторая пуля? У начальника следственного отдела МГБ майора Якобсона вопросов по этому поводу не возникало.

В начале 1990-х годов я встретил старого знакомого Йоханнеса Леппа, который работал в Президиуме Верховного Совета ЭССР заведующим отделом по приёму граждан, и этот осведомлённый человек рассказал, что многие годы после смерти Вареса в полу ванной комнаты, где он якобы застрелился, была дырка – след от пули. Я в недоумении спросил: «Как могла быть в полу дырка от пули, которая пробила Варесу сердце и которую при вскрытии врачи извлекли из толщи спинных мышц?» Лепп настаивал на своём: «Этот факт могут подтвердить многие старые работники Президиума». Вполне возможно, что пуля из недостающего патрона и оставила след в полу ванной комнаты.

В акте врачебно-экспертной комиссии делается вывод, что причиной самоубийства могло явиться осознание Варесом возможных последствий от неизлечимых болезней сердца, сосудов, отмечается, что к нему трижды вызывали на дом врача, и в больницу он поступил с повышенным кровяным давлением (198/122). Но домой вызывали врача вовсе не в связи с ишемией и повышенным давлением, у Вареса воспалилась гайморова пазуха, что вызвало сильные головные боли и повышенное давление. После шести дней лечения здоровье стало лучше, боли прошли, давление стабилизировалось, и Варес попросился домой, но его продержали под присмотром врачей ещё пять дней. Янсон рассказала на допросе, что утром в день самоубийства настроение у Вареса было хорошее, ничего особенного она не заметила. То же самое она рассказала в приватной беседе Тяхемаа и выразила удивление, что хозяин покончил с собой.

Служанки семьи Вареса Хильды Янсон давно нет в живых. Один из моих ныне здравствующих знакомых хорошо знал Хильду. По его словам, она долго держала язык за зубами, но в последние годы жизни рассказала, что утром в день самоубийства Вареса она заметила во дворце незнакомого человека. Она полагала, что незнакомца могли впустить во дворец ночью, и не через парадный вход, где охрану нес вооружённый милицкий пост, а через задние двери, выходящие во дворцовый сад. Кем был этот незнакомец, не установлено.

В материалах разбирательства нет информации о том, каким образом охранялись двери, выходящие во дворцовый сад, кто ещё кроме коменданта пользовался этими ключами и где они обычно хранились. После случившегося Эмилия стала искать ключ от несгораемого шкафа мужа, его Эдгар Хыбе обнаружил в одной связке с другими ключами на каминном карнизе в комнате на первом этаже. Почему связка ключей находилась там и какие ключи ещё были в связке, не установлено.

У меня как у профессионального контрразведчика и юриста накопилось много вопросов по части расследования факта смерти Вареса, но ответов на свои вопросы я, пожалуй, уже не получу.

Тёмное это дело

В своё время мне удалось поговорить с двумя бывшими телохранителями Вареса. Родион Игнатьевич Подгорный, который дежурил ночью перед трагическим днём и утром сдал смену Тяхемаа, через годы станет хозяйственным руководителем. Я был с ним хорошо знаком в 1960-е годы, когда он работал директором тогдашнего таллиннского завода торгового оборудования, я в тот период в КГБ ещё не служил, работал заместителем начальника железнодорожной станции Таллинн, инспектором Комитета народного контроля Эстонской ССР, и о самоубийстве Вареса у меня не было никакой информации. Разговор об этом зашёл в 1990-е годы, когда Подгорный был уже в престарелом возрасте, каких-либо подробностей по самоубийству он привести не мог, и я заметил, что желания говорить на эту тему у него нет.

Мой двоюродный дядя майор Хельмут Ланг прошёл войну, в послевоенный период долгие годы служил телохранителем первых лиц республики. В 1970-е годы, когда я перешёл в КГБ Эстонии, слышал от него, что самоубийство Вареса – тёмное дело. В то время судьбой Вареса я ещё не интересовался, теперь же деталей того «тёмного дела» у родственника не уточнить: дядя Хельмут погиб в июле 1987 года в автоаварии.

Правительственная комиссия под председательством предсовмина Веймера версию убийства вообще боялась выдвигать. Вечером 29 ноября она решила в ходе исследования причин смерти Вареса изучить также обстоятельства, которые могли быть косвенными причинами самоубийства, но никто из членов комиссии

вопрос о косвенных признаках официально не поднимал. Всё однозначно списали на болезнь.

В 1950 году первым секретарём ЦК ВКП(б) Эстонии вместо снятого с этого высокого поста Николая Каротамма стал Иван (Йоханнес) Густавович Кэбин. Вскоре он запросил у нового министра Госбезопасности ЭССР полковника Москаленко, который сменил снятого с должности генерала Кумма, дело по расследованию факта самоубийства Вареса. Дело Кэбину представили, я его многократно читал, и, думаю, что до направления в ЦК его могли подчистить. У Кэбина закралось сомнение в официальной версии, он запомнил из дела фамилии ряда «действующих лиц» (скорей всего, записал их для памяти) и через годы высказал в узком кругу товарищей удивление по поводу выхода одного из причастных к делу лиц на персональную пенсию союзного значения. Кэбин не понимал, за какие-такие заслуги. Документальных материалов или прямых доказательств, которые подтвердили бы сомнение Кэбина, в деле, которое он читал, я не нашёл.

Версия: ликвидация

Насколько уместна постановка такого вопроса, как тайное убийство – ликвидация? Конечно, обычный преступник или личные враги, которые у Вареса, несомненно, были, сделать того не могли: они просто не попали бы в охраняемую квартиру. Такую операцию, если она действительно состоялась, могла проверить только спецслужба.

Варес работал при трёх режимах. В прошлом он – офицер царской армии (полковой врач), участник Первой мировой войны, награждён орденами Анны 4-й и 3-й степеней, орденами Станислава 3-й и Даниэля 2-й степеней. Когда Российская империя стала распадаться, он решительно перешёл на сторону молодой Эстонской Республики и за активное участие в Освободительной войне, которую Эстония вела против Советской России, в 1921 году был даже награждён орденом Крест Свободы. Это не рядовой орден, его кавалеров советская власть не жаловала. Тогда Варес орден не принял, причина отказа наивная, глупая: не пожелал брать награду, которую также будет носить, по его словам, грубый «чёрносотенный спекулянт» генерал Александр Тыниссон, который, впрочем, как и сам Варес, был участником той же Освободительной войны.

За церемонией награждения герой Варес смотрел со стороны, за такой

кошунственный протест его уволили со службы в армии. Но отказ принять в присутствии грубого нелюбимого генерала высокую награду ещё не означает, что Варес не воевал против Советской России, к тому же, когда в 1923 году за Крест Свободы стали выплачивать солидные деньги, он попросил полагающуюся ему сумму в размере 50 тысяч марок переслать себе в Пярну, там заодно и орден принял.

До поры до времени практические дела Вареса устраивали высшее руководство страны, тем более что его заслуги в установлении и укреплении советской власти в Эстонии немалые. На посту председателя Президиума Верховного Совета Эстонской ССР Варес содействовал установлению новой власти, не без его воли была проведена в 1941 году депортация тысяч людей, репрессированы многочисленные политические и государственные деятели, работники культуры и другие лица.

Высокий пост требовал революционного прошлого

На будущий высокий пост Вареса начали готовить в СССР задолго до июньского переворота в 1940 году. В ходе его изучения, конечно, учитывали вольнодумный характер, авторитет у народа, но главное – тщеславие. Когда в 1940 году Жданову надо было сколотить новое правительство Эстонии, он не заикливался на мандатной стороне кандидатов. На должность министра внутренних дел по предложению Жданова назначили Максима Хунта, который находился в СССР во всесоюзном розыске (скрылся с солидной суммой казённых денег). В качестве шефа МВД Хунт успел провести некоторую «положительную» работу, но в конце концов его разоблачили, арестовали и без долгих разговоров расстреляли.

В отличие от Хунта, Варес не был мошенником-вором, в 1940 году его кандидатуру вполне можно было включить в обойму будущих членов правительства, но такие детали из биографии, как участие в Освободительной войне против Советской России, награждение орденом Крест Свободы на седьмом году советской власти были уже несовместимы с должностью политика высокого ранга (впрочем, в советский период эти «мелкие детали» в его официальной биографии не указывались). При этом Варес своими поздними стихами не мобилизовывал народ на героические подвиги, а писал пессимистиче-

ские строки. В последнее время не давались Барбарусу патристические стихи в их советском понимании.

В 1946 году на посту председателя ПВС Эстонии Москва хотела бы, конечно, видеть человека с чистой революционной биографией, более решительного, патристического и не очень озабоченного изданием своих «незрелых» виршей.

Смерть Сиутса

После смерти Вареса телохранители продолжали охранять его вдову Эмилию, которой оставили квартиру в Кадриоргском дворце и прежнюю экономку Хильду Янсон. Но Эмилия ненадолго пережила мужа. 3 марта 1947 года в Москву по ВЧ-связи на имя министра госбезопасности Абакумова за подписью Бориса Кумма зачитали записку следующего содержания:

«Сегодня около 10 час. 30 мин. в своей квартире обнаружен труп вдовы бывшего председателя Президиума Верховного Совета ЭССР Варес Эмилии Яновны. Э. Варес оставила записку следующего содержания: «Дорогие родственники и друзья! Я не в состоянии жить одна без своего любимого мужа, поэтому простите мне этот шаг. Все свои вещи, одежду и книги оставляю брату и сестре. Прошу похоронить меня около моего усопшего мужа».

Актом предварительного медицинского осмотра трупа установлено, что смерть Эмилии Варес наступила от приёма снотворных средств. Труп Эмилии обнаружила Хильда Янсон. По срочному вызову в Кадриорг прибыли министр здравоохранения ЭССР В. Хюон, судмедэксперт П. Педусар, главный врач медико-санитарного управления Таллинна Ю. Дешалит, врачи-терапевты А. Мардна и Е. Васильева. Они констатировали смерть, наступившую «от принятой больше нормальной дозы снотворного». Шесть таблеток разных видов снотворного умершая держала в кулачке, вокруг трупа были разбросаны десятки таких же таблеток. Ни следователь прокуратуры, ни следователь МГБ на место происшествия не вызывались, но зато при осмотре трупа присутствовал главный терапевт Балтийского ВМФ полковник медицинской службы Мастбаум. Вначале я решил, что Мастбаум как сугубо военный человек не должен был иметь отношение к смерти гражданского, но позже узнал, что его как опытного врача часто привлекали к приёму больных в правительственной поли-

клинике республики и он, конечно, пользовался в то время у КГБ Эстонии особым доверием.

И никого не стало...

На Эмилии самоубийства не закончились. В Таллинне у неё остались брат и сестра, которые жили вместе и делили квартиру с бухгалтером домоуправления. Последняя как-то раз, придя с работы, не смогла попасть в дом. Прибывшие по вызову стражи порядка взломали дверь и увидели страшную картину: брат и сестра висели в петлях на концах одной, перекинутой через печку верёвки. Одни тогда поговаривали, что в унаследованных от Эмилии и Йоханнеса Вареса вещах они обнаружили большую сумму денег, и это стало известно преступнику. Но будут ли люди рассказывать окружению о полученных больших деньгах и будет ли грабитель таким жестоким образом избавляться от своих жертв? Другие считали: Эмилия что-то знала об истинной причине смерти мужа, поделилась тайной с родственниками, и это стало их приговором.

Ведущим лицом оперативно-следственной группы (ОПСГ) был начальник 2-го отдела МГБ ЭССР капитан Эдуард Неэлус, он занимался исследованием квартиры, допрашивал личного секретаря Вареса Эдгара Хыбе и телохранителя Антса Тяхемаа. Опытного оперативника-контрразведчика уволят из МГБ и отправят служить по линии милиции подальше от Эстонии – в Татарстан. Другой член ОПСГ – замначальника 2-го отдела МГБ старший лейтенант Салмолайнен в свой профессиональный праздник, День чекиста, крепко выпьет и неожиданно повесится.

Приказ о назначении Антса Тяхемаа телохранителем был подписан в праздничный день, 7 ноября 1946 года, за три недели до самоубийства Вареса, а на первое дежурство в Кадриорге он заступил ещё 6 ноября, то есть ещё до назначения приказом на должность. До этого лейтенант госбезопасности Тяхемаа служил разведчиком наружной службы. Сразу после смерти Вареса Тяхемаа будет переведён обратно на прежнюю работу, но через полтора года его оттуда уволят. А комендант Кадриоргского дворца, хранивший ключи от здания и много знавший о жизни его обитателей, вдруг погибнет от рук «лесных братьев». [...]

Варес-мавр своё дело сделал. Ушёл он в мир иной сам или ему в этом помогли? Уверенно и однозначно отве-

тить на этот вопрос я не могу даже сегодня. Возможно, это останется тайной навсегда, но абсолютно ясно: полковник Пастельняк внёс в трагическую судьбу Вареса свою лепту. Перо поэта Барбаруса осталось сухим, а поэма «Ühe luuletaja elukulg» («Биография одного поэта») – недописанной.

Исчезнувшие улики – кобура с пистолетом вальтер, отстрелянная гильза, пуля, извлечённая из тела Вареса, блокнот с вырванными листками, предсмертные письма Йоханнеса и Эмилии, авторучка Reinhold 615, красный карандаш Viktoria Cop, окровавленные халат и рубашка, раскрошенные таблетки снотворного, верёвка с удавками на концах – в совокупности с сохранившимися материалами «расследования» факта смерти Йоханнеса Вареса-Барбаруса могли бы пролить свет на рассказанную мною загадочную и трагическую историю. Или хотя бы стать экспонатами как исторического музея, так и музея криминалистики. Но – увы!

Схожая история

Моя статья «Трагедия поэта Барбаруса: самоубийство или убийство?» вышла в газете «День за Днём» в сильно сокращённом виде. В числе многих других эпизодов было опущено моё обращение к журналистам-расследователям газеты «Совершенно секретно»: «Может, кому-то из вас повезёт, и в московских архивах вы найдёте материалы с устаревшими грифами секретности, которые закроют тему смерти-самоубийства-убийства первого председателя Президиума Верховного Совета Эстонской ССР, известного врача и поэта Йоханнеса Вареса-Барбаруса».

Это обращение до российских «золотых перьев», может быть, и не дошло, но, словно услышав просьбу из Таллинна, газета «Совершенно секретно» через три месяца (№ 3 за 2016 год) опубликовала однополосную статью о трагической судьбе министра иностранных дел Чехословакии Яна Масарика, которая во многом схожа с судьбиной Вареса-Барбаруса.

Утром 10 марта 1948 года во внутреннем дворе пражского Чернинского дворца, где располагалось Министерство иностранных дел Чехословацкой Республики, под окнами ванной комнаты квартиры, в которой проживал министр упомянутого ведомства Ян Масарик, истопник дворца Карел Максбауэр обнаружил мёртвое тело хозяина квартиры...

СОЛДАТЕНКО АЛЕКСЕЙ

Сократ

Алексей Солдатенко в последние годы перед выходом на пенсию в 2011 году работал заместителем начальника 1-го управления (Управление разведки) Главного управления по борьбе с организованной преступностью (ГУБОП) Бюро криминальной полиции Литвы.

*Господь мне помощник,
и не убоюсь: что сделает мне человек?
К евреям. 13-6*

И Это был не просто человек. Это был человек-легенда. Вернувшись со службы в Советской армии в 1983 году, он сразу же пошёл работать в милицию. Начал с патрульно-постовой службы. Позже получил высшее образование. Работал следователем, оперуполномоченным уголовного розыска. Целых тридцать лет отдал он любимой службе. Последние восемнадцать трудился в Главном управлении по борьбе с организованной преступностью МВД Российской Федерации, занимал должность начальника одного из оперативных подразделений. Сейчас уже несколько лет значился в должности начальника управления группы «Альфа» Центра специального назначения ФСБ. Все сотрудники называли это подразделение проще – управление «А».

Всю жизнь Серёга интересовался боевыми искусствами, занимался рукопашным боем. Неплохо владел ножом и огнестрельным оружием. Даже сейчас, в свои 52 года, он ещё и молодым мог дать фору в спортзале.

О, сколько повидал он! Прошёл несколько горячих точек. В армии выполнял интернациональный долг в Афганистане, а позже, уже работая в ОВД, добровольно попросился в Чечню, участвовал в боевых действиях. Вернулся только после ранения. Если раньше он был весёлым и улыбчивым, то после Чечни замкнулся и всё больше молчал. Все знали, сколько друзей он оставил там... Из жизнерадостного человека Серёга превратился в угрюмого молчуна. Стал интересоваться философией и религией. Много размышлял о скоротечности жизни. Именно поэтому ему и дали прозвище Сократ.

Серёга был человеком физически крепким, с жёстким характером. Однако подчинённые, несколько раз неожиданно зайдя к нему в кабинет, находили его со слезами на глазах. В такие моменты он, как правило, перебирал какие-то старые фотографии. Увидев зашедшего, он смахивал карточки в открытый ящик

даже не представляю что сказать о произведении «СОКРАТ». СКАЖУ ЛИШЬ, ЧТО ВСЕ ОПИСАННЫЕ В НЁМ СОБЫТИЯ ПРИВИДЕЛИСЬ МНЕ ВО СНЕ. ДА, ДА, ВЫ ПРАВИЛЬНО ПОНЯЛИ. ВСЕ ОПИСАННОЕ МНЕ ПРИСНИЛОСЬ. ПОЧЕМУ ИМЕННО ТАКОЙ СЮЖЕТ, Я НЕ ЗНАЮ. ДА И СПРОСИТЬ НЕ У КОГО. ПОЭТОМУ ПРЕДЛАГАЮ ПРОСТО ОКУНУТЬСЯ В АТМОСФЕРУ БОРЬБЫ СО ВСЕМИРНЫМ ЗЛОМ – ТЕРРОРИЗМОМ И ПРОЧУВСТВОВАТЬ ВСЁ, ЧТО ТВОРИТСЯ В ДУШЕ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ – СТАРОГО, МАТЁРОГО, ПСИХИЧЕСКИ И ФИЗИЧЕСКИ ИСКАЛЕЧЕННОГО БОЙЦА ПО ПРОЗВИЩУ СОКРАТ.

стола и, потупив взгляд, чтобы подчинённые не смогли разглядеть его слёз, указывал на стул, приглашая вошедшего присесть, а сам отворачивался, делая вид, что что-то ищет в стенном шкафу. В последнее время коллеги стали частенько замечать на его рабочем столе Евангелие.

Серёга жил своей работой и не представлял себя без неё. Однако даже он стал понимать, что годы берут своё и, видимо, настало время уступить место молодым. Именно поэтому он решил написать заявление об уходе на пенсию. С женой он уже поговорил. Та сразу же одобрила его решение и, вздохнув с облегчением, положив голову на плечо супруга, прошептала:

– Ну, наконец-то! Поживём спокойно...

Написал рапорт, подписался, поставил дату. Две тысячи второй год, семнадцатое сентября. Вот и всё. Теперь нужно только завизировать у начальника ФСБ.

– Наташа, соедините меня с генералом! – обращаясь к секретарше, совсем тихо проговорил в телефонную трубку Серёга.

Уже через минуту зазвонил телефон.

– Да, Наталья!

– Сергей Иванович! Начальник ФСБ Николай Анатольевич на связи! – доложила секретарша.

– Хорошо, соединяйте, – устало промямлил Серёга.

Через секунду он услышал знакомый голос:

– Ай, молодец, Сергей Иванович! Сам мне позвонил! Ай, молодец! Как дела, Серёжа?

– Ну, как вам сказать, Николай Анатольевич, – начал он, – я вот хотел...

– Да ладно тебе! – перебил его генерал. – Сейчас начнёшь за жизнь философствовать! Я и так знаю, что всё у тебя хорошо! Да и что у моего лучшего сотрудника может случиться? Ха-ха! Ты это, подполковник, давай ноги в руки и ко мне бегом! Тема для разговора есть! Давай, живо! Жду!

В трубке послышались короткие гудки. Серёга глубоко вздохнул, положил рапорт в папку с гербом Российской Фе-

дерации, сунул её за пазуху и вышел из кабинета.

– Я к генералу, Наталья! Буду, наверное, скоро, – буркнул он секретарше и полубегом направился к Николаю Анатольевичу.

По всем этим бесконечным коридорам идти ещё минут пять, потому у Серёги было время, чтобы подготовить хоть какую-то речь, оправдывающую его намерение. «Скажу, что, мол, устал, что уже более тридцати лет в ОВД, что опыт уже свой передал молодым...» – рассуждал он.

– Здравствуйте, Люба! – кивнув головой секретарше, расплылся в улыбке Серёга.

– Добрый день, Сергей Иванович! Генерал ждёт вас. Заходите. А я сейчас кофейку приготовлю, – отозвалась та. – Вам, как всегда, без сахара?

– Как всегда, Любушка, как всегда, – улыбнулся Серёга и, отворив массивную дубовую дверь, зашёл в кабинет начальника.

– Товарищ генерал, подполковник Лютий Сергей Иванович по вашему приказанию прибыл! – щёлкнув каблучками, отпортовал он.

Генерал, склонившись над столом, внимательно изучал какой-то документ. Ещё секунду он не мог оторваться от листа. Наконец, сняв очки, удостоил Серёгу взглядом.

– Вот он, мой лучший сотрудник! – негромко сказал генерал, медленно подходя к подчинённому. – Всё при нём! Чёрная выглаженная форма. Брюки, заправленные в берцы. На груди наградная планка. Чёрный берет. Дай-ка я обниму тебя, Сергей Иванович! – расчувствовался генерал и по-дружески обнял Серёгу. – Кажется, сто лет не видел тебя, Серёжа! Всё по командировкам! Садись давай! Почаёвничаем, Сократ!

Серёга, плюхнувшись в мягкое кресло, небрежно бросил папку на стол.

– Николай Анатольевич! Неужели и вы будете меня называть этим гадким прозвищем?

– Ну почему же гадким, Серёжа? Мне, например, нравится. Думаю, что оно тебе подходит. Нет, правда. Я вчера подписал приказ о назначении позыв-

ных в вашем подразделении. Да. Твой позывной – Сократ. Так что поздно, доктор, пить боржоми, когда печень отвалилась. Вот так вот.

Дружески потрепав Серёгины волосы, генерал, оставив наконец его в покое, сел в своё кресло и больше ничего не говорил. Видимо, собираясь с мыслями, он молча сверлил Серёгу взглядом.

Пауза затянулась, и подполковник пододвинул папку поближе к себе. Он уже хотел было открыть её, но тут, держа в руках поднос, в кабинет зашла секретарша.

– Ваш кофе! – расставляя чашки, сказала Люба.

– Спасибо, Любушка! – кивнул секретарше генерал и уселся напротив Серёги. – Так что ты там хотел мне сказать, Серёжа? – обратился он к подполковнику.

– Понимаете, Николай Анатольевич... – взяв папку в руки, несмело начал Серёга, – я уже столько лет отдал органам внутренних дел...

Генерал смотрел будто сквозь него и, казалось, совершенно не слушал. Было заметно, что он погружён в свои мысли.

– Да, да, Серёжа, я знаю. Ты столько лет служил Родине верой и правдой. Я знаю это, – совсем тихо проговорил начальник ФСБ. – Придётся тебе ещё раз оказать услугу своей стране. И не только своей...

– Что это значит, Николай Анатольевич? – спросил Серёга, все ещё теребя папку с рапортом об увольнении.

Генерал, подойдя к письменному столу, взял лежащий на нём документ. Надев очки, он, видимо, про себя ещё раз прочитал его и, наконец, положил на стол перед подполковником:

– Читай, Сергей Иванович! Читай!

Серёга, взяв документ, сразу же обратил внимание на бланк, на котором тот был отпечатан. Это был бланк министерства иностранных дел Великобритании. Подполковник очень хорошо владел английским и уже через минуту, прочитав документ, положил его на стол.

– Что ты понял, Серёжа, из прочитанного? – осведомился генерал.

– Да, немудрено написано, – развёл руками Серёга. – Участились, мол, в Соединённом Королевстве случаи терроризма. Работников с опытом борьбы с терроризмом не хватает. Пишут, что какая-то большая преступная группировка готовит террористические акты по всей стране. Просят в рамках правовой помощи прислать группу опытных бойцов и инструктора. Ну вот и всё в принципе...

– Нет, не всё! Не всё, Сергей Иванович! – сложив руки за спиной, проговорил генерал, расхаживая по кабинету. – Ты не обратил внимание на резолюцию ми-

нистра внутренних дел Российской Федерации?

– Извините, сейчас прочту! – спохватился Серёга.

– Не нужно. Я её уже наизусть выучил! – махнув рукой, почти прокричал генерал.

Серёга уставился на начальника ФСБ, который продолжал нервно расхаживать по кабинету.

– Так вот, Сергей Иванович, в резолюции министра значится следующее: «В рамках Соглашения между правительством Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии и правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области борьбы с преступностью от 6 октября 1997 года командировать в Великобританию для оказания правовой практической помощи, пятерых лучших сотрудников группы «Альфа» Центра специального назначения ФСБ». Вот так вот, Серёжа! Лучших!

– Я догадываюсь, Николай Анатольевич, куда вы клоните... – начал подполковник, но генерал перебил его.

– Правильно догадываешься, Сергей Иванович, правильно!

Николай Анатольевич подошел к письменному столу и, взяв какой-то документ, присел возле Серёги.

– Вот тебе список твоих орлов, – буркнул он, пододвигая к Серёге лист с напечатанными фамилиями. – Выбирай четверых с которыми поедешь.

– Чё делать-то надо будет? – осторожно осведомился Серёга.

– Много чего. Мне звонил их начальник, некий Энтони Джефферсон. Мы сегодня целый час с ним трындели по телефону. Он является начальником Службы безопасности МИ-5. Там вопросами по борьбе с терроризмом ещё занимается какая-то секретная разведывательная служба МИ-6. Нам, конечно, очень сложно разобраться во всех этих структурах, но этого делать и не надо. Наша, вернее твоя задача – прибыть завтра с бойцами в Лондон. Полетите с ребятами спецрейсом, который будет в лондонский аэропорт Хитроу в 6.30 утра. Форма одежды для всех повседневная, без оружия. Оружие и всё необходимое получите там. Ваша задача – разобраться в информации, которая будет предоставлена, сделать её анализ и организовать операцию по обезвреживанию террористов. Кстати, Джефферсон сказал, что кроме твоих бойцов он даст тебе столько людей из состава своего подразделения, сколько потребуется. – Генерал, наконец, удостоил Серёгу взглядом. – И что ты, Сергей Иванович, уставился на меня? Я что, на маму твою похож? Вопросы есть?

– Никак нет, товарищ генерал! – встав с кресла, отрапортовал подполковник.

– Ну, тогда давай, бойцов выбирай! Чтoб я знал, на кого приказ оформлять да командировочные выписывать.

– Опять со стрельбой всё будет? – осведомился Серёга.

– Какая стрельба, Сергей Иванович? Просто скажете террористам-смертикам: «А ну-ка сдавайтесь, нехорошие люди!» И всё. Я думаю, они сдадутся без стрельбы и прочего насилия! – пошутил генерал и уже очень серьёзно добавил. – Рекомендую взять Голованова, Самойлова, Тихонова и Авдеенко. Как ты насчет них?

– Хорошие ребята. Проверенные. Только Самойлова и Тихонова предлагаю заменить, – буркнул Серёга.

– Почему?

– У Самойлова Николая жена только что родила дочку, а у Тихонова двое малолетних. Сыну пять, дочке три. Мало ли что...

– Согласен, – кивнул генерал и, указав на список, добавил: – Выбирай к Голованову и Авдеенко ещё двоих.

– Если вы не против, товарищ генерал, то пусть будут Трофимов и Грязнов.

– Почему они?

– Трофимов – старый холостяк, товарищ генерал, а у Грязнова одна только дочка, да и та уже взрослая. Кстати, в Англии учится. Будет время, может, и свидятся!

– Значит, Голованов, Авдеенко, Трофимов и Грязнов. Уговорил, боец! Ну а теперь марш готовиться! Всё! Удачи!

Генерал дружески обнял подполковника и направился к креслу, всем своим видом давая понять, что разговор окончен.

Козырнув и щёлкнув каблуками, Серёга вышел из кабинета и только теперь вспомнил, что так и не решил вопрос о пенсии.

«Как-то неудобно после такого разговора вернуться к генералу и начать просить об уходе на пенсию, – пораскинул мозгами Серёга. – Что подумает обо мне Николай Анатольевич? Что цену себе набиваю или что струсил? Нет, нельзя теперь поднимать этот вопрос. Вернусь после операции, тогда и поговорим», – заключил подполковник и, прибавив шаг, поспешил готовиться к отъезду.

II

Небольшой самолёт с пятью пассажирами на борту приземлился в аэропорту Хитроу, как и было обещано, в 6.30 утра. У посадочной полосы их уже ждали три полицейские машины с включёнными проблесковыми маячками. Как положено в таких случаях, прозвучали формальные речи. Прибывших спросили, приятен ли был полёт. Здесь же присутствовал и посол Российской Федерации, который также не упустил

возможности пожать руки прибывшим работникам и произнёс короткую речь о необходимости сотрудничества правоохранительных органов Российской Федерации и Великобритании в области борьбы с терроризмом.

Поблагодарив за тёплый прием, бойцы группы «Альфа», наконец, разместились в автомобилях, и колонна двинулась в сторону министерства внутренних дел.

III

У входа в министерство внутренних дел их уже ждал начальник службы безопасности МИ-5 Энтони Джефферсон. Было видно, что он нервничает. Лицо покрылось красными пятнами, на лбу блестели капельки пота. Представившись и сухо поприветствовав прибывших, Джефферсон сразу пригласил их следовать за собой. Через несколько минут они зашли в небольшой зал, где находилось около десяти человек.

– Перед вами, господа, находятся члены нашего временного штаба или рабочей группы, которая была создана для проведения специальной операции по захвату и, если потребуется, уничтожению преступной группы, занимающейся подготовкой и проведением террористических актов на территории Великобритании, – отметил Джефферсон. Переводчик перевёл его слова. – Представлять каждого вам не буду. Всё равно вы не запомните всех, так как английские имена для вашего слуха непривычны. Как вы понимаете, у нас нет должного опыта в данной области, и потому вы здесь. Мы очень надеемся, что вы поможете нам разобраться со всем этим кошмаром.

– Что ж, господин Энтони, расскажите нам всё, что знаете, мы попытаемся понять, проанализировать ситуацию и подготовить план дальнейших действий, – попросил Серёга.

– Ситуация такая, – начал свою долгую речь Джефферсон. – Всё началось с того, что 1 сентября прогремел взрыв возле лондонского метро. Рванул заряд мощностью около 400 грамм тротила. Бомба с часовым механизмом была оставлена в пакете. Подозреваемый оставил его возле мусорного ящика в 7.30. Взрыв произошёл в 8 часов утра, когда люди толпой шли в подземку. В результате восемь человек погибли, ещё двенадцать оказались в больнице с осколочными ранениями. Началось расследование. Так как весь Лондон опутан сетью камер видеонаблюдения, нам удалось установить, что подозреваемый приехал на место преступления на метро. Он сел на станции Arsenal в районе Islington, вышел в районе Wandsworth на станции Balem. Положил пакет со взрывчаткой возле мусорного бака и

удалился. Удостоверившись в том, что взрыв прогремел, он, поймав такси, вернулся в район Islington. Далее мы потеряли его след, но есть фото, сделанное с видеокамер.

Всем сотрудникам группы «Альфа» раздали фотографии подозреваемого.

– Пока шло расследование, – продолжил Джефферсон, – 14 сентября в районе Westminster на станции Baker street прогремел ещё один взрыв. Только теперь уже внутри подземки. Восемь человек погибли, шестнадцать с осколочными ранениями различной степени тяжести отправлены в больницы. Удалось установить, что подозреваемый приехал на метро. Кстати, сел он на станции Arsenal в районе Islington.

– Как и в первом случае? – уточнил Серёга.

– Да, как и в первом случае, только подозреваемый уже другой, – подтвердил Джефферсон. Вот его фото.

Сотрудникам группы Альфа раздали фотокарточки второго подозреваемого.

– Ответственность пока не взяла на себя ни одна террористическая организация. Но теперь мы знаем, что оба подозреваемых для совершения террористических актов выехали с одной станции Arsenal в районе Islington. Напрашивается вывод о том, что они живут в вышеупомянутом районе. Вопрос – где? Ну вот, сотрудники группы «Альфа», теперь мы ждём ваших умозаключений и помощи. Ах, да, чуть не забыл, оба террориста имели при себе телефоны сотовой связи. Оба перед взрывами с кем-то разговаривали. Это всё.

– Что ж, Энтони, – произнёс Серёга и, убедившись в том, что все присутствующие его внимательно слушают, продолжил: – Не думаю, что будет очень сложно вычислить этих людей и определить место их дислокации. Теперь послушайте меня и запишите всё, что необходимо сделать.

Люди в штабе засуетились. Кто-то достал блокнот и ручку, кто-то приготовился печатать на компьютере.

– Давайте начнём с того, что нам известно. А известно нам не так уж и мало. Мы знаем, что оба террористических акта совершили люди южной внешности. Знаем, как они выглядят и во что были одеты. Обоим 25–30 лет. Скорее всего, это лица, пропагандирующие радикальный ислам. Ещё мы знаем время, когда террористы сели в метро, и время, когда они вышли из него. Кроме того, они оба пользовались телефонами сотовой связи. Это очень важно, и я сейчас объясню почему. – Серёга обвел взглядом присутствующих и продолжил: – На территории всей вашей страны, и тем более Лондона, имеются вышки операторов сотовой связи. Вам, господин Джефферсон, надо немедленно поста-

вить задачу сотрудникам службы оперативной деятельности, ну или как там они у вас называются, отфильтровать номера всех мобильных телефонов, которые в момент посадки террористов в поезд метро находились в районе ближайших трёх вышек. Мы знаем время посадки и одного, и другого. То же самое нужно сделать и в районе взрывов. Установить все мобильные телефоны, которые находились в тот момент в данных районах. Пусть возьмут три ближайшие вышки мобильных операторов и установят все мобильные телефоны, которые находились в данном треугольнике. Время взрывов известно, так что установить их будет несложно. Зная плотность населения Лондона, могу заранее сказать, что в каждом конкретном случае вы получите около трёх тысяч номеров. Когда всё это сделаете, останется около двенадцати тысяч, среди которых стопроцентно будут находиться и телефоны террористов. И последнее, что нужно сделать – методом вычисления определить, какие телефоны были на станции посадки террористов в метро и на местах взрыва. Прodelав эту огромную работу, вы будете точно знать телефоны террористов.

Слушающие от изумления раскрыли рты.

– Неужели всё так просто, господин подполковник? – искренне удивился Джефферсон.

– Это ещё не все, Энтони, – продолжил Серёга. – Необходимо установить не только телефонные номера, но и так называемый IMEI каждого телефона. Было бы глупо полагаться на то, что преступники будут и дальше пользоваться теми же номерами телефонов. Скорее всего, после террористических актов телефонные карточки с этими номерами были уничтожены и террористы приобрели новые карточки мобильной связи. Однако мы можем проследить не телефонный номер, а сам мобильный телефон по индивидуальному номеру телефонного аппарата, т. е. IMEI-коду. Прodelав эту грандиозную работу, господин Джефферсон, мы уже будем знать, где в настоящий момент находится конкретный телефон с конкретным IMEI-номером. И, наконец, получив номера телефонов на месте посадки и на месте взрывов, а у вас их будет целая куча, необходимо будет установить, какие из них направились в сторону района Islington. Вот и всё. Бандиты у вас, как на блюде. Потом точно таким же способом установите место их дислокации. Работайте.

– Все гениальное просто, – заключил Энтони. – Я обеими руками «за». Вы дали нам задание. Мы всё сделаем. Будут подключены все необходимые службы. Это займёт какое-то время.

Думаю, дня два. Когда всё будет сделано, мы вас вновь побеспокоим. Пока наши службы будут выполнять всё то, что вы сказали, вы можете отдохнуть. К вам будут приставлены два наших лучших сотрудника. Они покажут город. Вы сможете поучаствовать в различных культурных мероприятиях, – закончил Энтони.

– Спасибо, друг, – проговорил Серёга, но ты, Энтони, дай-ка мне лучше двоих своих бойцов, с которыми мы позже будем задерживать бандитов. Я хочу с ними пообщаться. Ну, познакомиться поближе. Водки опять же выпьем, за жизнь поговорим.

Переводчик перевела сказанное, и Энтони сделал изумленное лицо.

– Водки выпить? Я правильно понял вас, господин Лютый? – уточнил он.

– Совершенно правильно, – не смутился Серёга. – Когда установите террористов и их логово, то придётся их брать. Думаю, что без стрельбы не обойдётся. Поэтому я должен знать, с кем пойду в атаку. Одного дня пьянки с твоими бойцами мне хватит, чтобы узнать их поближе. Я либо откажусь идти с ними в бой, либо положу голову за каждого из них. Вот так. А теперь мы поедem в гостиницу отдыхать. Жду твоих бойцов, Энтони!

После этих слов все сотрудники группы «Альфа» поднялись со своих мест и под изумлённые взгляды британских сотрудников органов внутренних дел вышли из зала совещаний.

IV

Как и договаривались, в номер гостиницы, в котором остановились сотрудники группы «Альфа», Джефферсон прислал двух своих людей из подразделения МИ-5. Это были атлетически сложенные бойцы лет тридцати пяти.

Все перезнакомились, накрыли стол прямо в номере, порезали колбаску и сало и, как полагается в таких случаях, решили накатить по чуть-чуть.

Уже через несколько часов в номере звучали русские и английские песни. Благо спецслужбы Британии предвидели такой вариант развития событий. Сотрудники группы «Альфа» предусмотрительно были поселены в самом дальнем номере гостиницы, и рядом с ним никого не заселяли.

– Послушай, Шон, – пробурчал уже нетрезвый Серёга. – А гитару тебе слабо организовать?

– Гитару? Да без проблем! – отозвался тот и стал кому-то названивать.

Кому он звонил, непонятно, но уже через полчаса человек принёс в номер гитару, сунул ее Шону в руки и, кивнув головой в знак приветствия, тут же удалился.

Оказалось, что кроме Серёги на гитаре умеет играть ещё и Даниэл. Серёга попросил сыграть что-нибудь. Даниэл с удовольствием согласился.

Было весело. Даниэл играл и играл, а всё больше и больше хмелеющий Шон подпевал ему. Бойцы группы «Альфа» хлопали и смеялись. Потом стал играть Серёга. Что они только не пели! И «Смуглянку», и «Катюшу», и «По полю танки грохотали», и даже гимн Советского Союза. Иногда в пылу эмоций они пели слишком громко. Работники администрации гостиницы позвонили в службу безопасности министерства внутренних дел, где их очень-очень вежливо попросили потерпеть, не делать гостям никаких замечаний и, извинившись за доставленное беспокойство, обещали все компенсировать.

Песню «Вставай, страна огромная» они спели, наверное, раз двадцать. К двум часам ночи Шон и Даниэл знали ее уже на русском языке наизусть. В половине третьего стали прощаться и обниматься.

– Ну, нам уже пора! – сказал сильно захмелевший, Даниэл.

– Друзья мои! Шон, Даниэл! – промямлил уже мало что соображающий Серёга. – Если вы уже уходите, давайте тогда выпьем на ход ноги!

– Это как? – осведомился Шон.

– Ну, чтоб ноги шли! – пробубнил Серёга и наполнил стаканы.

Все выпили. Шон с Даниэлом уже собрались встать, но Серёга снова удержал их.

– Куда?! – осведомился он.

Гости пьяными, ничего не соображающими глазами, уставились на него.

– На взмах руки ещё не пили! – гордо произнёс подполковник и снова налил.

Все дружно взялись за стаканы и, чокнувшись так, что стаканы чуть не разбились, выпили залпом.

– Теперь уже мы пойдём? – осторожно спросил Даниэл.

– Да ты что, друг мой! – пробубнил Серёга. – Ведь мы ещё на шапошную не пили.

– А это как? – спросил Шон.

– А вот как! Смотри!

Серёга налил по полстакана каждому и, чокнувшись, предложил всем выпить.

– Ну а дальше что? – спросил Даниэл.

– Дальше так! Снимаете свои шапки, бросаете их на пол и кричите: «Э-эх! Никуда не поедem!»

Все долго и весело смеялись и обнимались.

На следующий день их разбудил Джефферсон, который в десять часов утра стал стучаться в номер гостиницы. Войдя в комнату, он увидел ужасное, конечно, зрелище. Спали кто где: кто на кресле, кто на полу. Что творилось

на столе, и описать трудно. Серёга, продрал глаза и убрав с груди ногу Авдеенко, сладко потянулся, как мартовский кот, и, обращаясь к Джефферсону, сказал:

– Хорошие у тебя ребята, Энтони! Я с ними в огонь и в воду пойду. – И почесывая пузо, романтично глядя куда-то вдаль, задумчиво добавил: – Хорошо вчера посидели! Душевно.

V

Еще целых два дня Серёга со своими бойцами валял дурака. Гуляли по городу. Даже в кино ходили. И вот, наконец, 21 сентября в восемь часов утра к ним в номер ворвался Джефферсон, с порога размахивая каким-то листом бумаги и радостно крича:

– Сергей Иванович! Мы вычислили их! Мы вычислили! Ваша метода действительно работает! Наши аналитики проделали огромную работу. Вот, смотрите. Мы перелопатили все телефоны и в конце концов вычислили два, которые в указанное время фигурировали в местах посадки в метро и на местах взрывов. Позже только эти два телефона вернулись обратно в район Islington!

– Сказать, как вычислить конкретное местонахождение телефонов, или вы сами знаете, как это делается? – осведомился Серёга.

– Мы уже всё сделали. И не только вычислили местонахождение телефонов, но и установили конкретный дом, где они находятся! Собирайтесь скорее, поехали в штаб, всё обсудим!

VI

Уже через полчаса они были в штабе министерства внутренних дел. Тут кипела работа. Все суетились. Носили какие-то документы, что-то печатали, обсуждали.

– Прошу тишины! – подняв руку, прокричал Джефферсон. – Членов временного штаба прошу подойти к столу! Все остальные, пожалуйста, покиньте помещение!

Джефферсон, сдвинув всё лишнее, положил на стол большой лист бумаги, на котором была изображена схема какого-то дома.

– Это схема дома, в котором находятся бандиты. Строение расположено в квартале жилых домов с видом на водоем Grand Union Canal, – начал Энтони. – Дом одноэтажный, 150 квадратных метров. 50 квадратных метров занимает гараж, в котором стоит одна машина – шевроле-корвет. Номера имеются. 100 квадратов жилой площади. Небольшой коридор выходит в просторный, 40 квадратных метров, холл. Из холла можно попасть на кухню. Ещё имеются две комнаты. Одна – 14 квадратных метров,

другая – 16. Оставшаяся квадратура приходится на ванную и туалет. Сегодня ночью с помощью тепловизора было установлено, что в доме находятся пять человек. Дом сдан в аренду гражданину, представившему документы на имя Рашида Асланова. Сейчас устанавливаются его связи. Но уже теперь могу сказать, что он поддерживает тесные контакты с членами террористической группировки «Аль-Каида». Интересуется идеями радикального ислама...

– Новый взрыв может грянуть когда угодно и где угодно, – встрял Серёга и хотел что-то добавить, но Джефферсон перебил его:

– Да, да, Сергей Иванович! Вы совершенно правы. Нельзя терять ни минуты. Тем более что я уже доложил обо всём премьер-министру Великобритании. Вы даже не представляете, какое давление я сейчас испытываю. Правительство требует немедленно обезвредить преступников!

– У нас в России говорят, что спешка хороша только при ловле блох, – возмутился Серёга.

– Вы правы, Сергей Иванович, но и меня поймите! На меня давят со стороны правительства! – развёл руками Джефферсон. – Если грянет ещё один взрыв, в лучшем случае нас просто уволят, а в худшем я и прогнозировать не берусь.

– Вы – руководитель штаба и ответственный за операцию, Энтони! Давайте приказ и штурмуем! – отозвался Серёга.

– Последний штрих, – оживился Джефферсон. – В дом можно попасть через входную дверь, гаражные ворота и через пять окон. – Энтони указал на схеме дома все точки возможного проникновения. – Это всё.

Он посмотрел на Серёгу и добавил:

– Теперь ваш черёд. Получите людей, сколько понадобится. Отдавай распоряжение, командир!

– Нас пятеро. Дай мне ещё десять бойцов, Энтони, – проговорил Серёга.

– Считаю, что уже дал, Сергей Иванович, – ответил Джефферсон.

– Всякое может случиться, поэтому необходимо оцепить район проведения операции. К тому же пусть на всякий случай в машине ждёт ещё десяток автоматчиков, – потребовал подполковник.

– Всё будет, – пообещал Джефферсон. – А сейчас идите получать оружие и боеприпасы.

Через 20 минут десять сотрудников подразделения МИ-5 и пять бойцов группы «Альфа» в полном снаряжении стояли во дворе министерства внутренних дел Великобритании. Каждый из них держал наперевес автомат модели MP-5. Каждому выдали по три обоймы

патронов, по несколько шумовых и по две боевые гранаты типа РГД, только английского производства. У каждого под левым плечом торчала рукоять большого ножа. Форма россиян и англичан была очень похожей. Тяжёлые пуленепробиваемые шлемы с забралом, чёрные комбинезоны поверх бронежилетов, брюки, заправленные в берцы. Лишь две детали отличали россиян от британцев. Конечно же, надписи на спинах. У одних значилось: «ФСБ Группа «Альфа», а у других красовалась более скромная надпись: «МИ-5». И ещё одна деталь отличала россиян – виднеющийся из-под комбинезона полосатый тельник.

На плацу выстроилось четырнадцать бойцов. Напротив – в полной амуниции, с автоматом наперевес Серёга. Рядом с ним – Энтони Джефферсон, восемь членов временного штаба и министр внутренних дел Великобритании.

Министр достал написанную заранее речь и, время от времени жестикулируя, очень эмоционально прочитал написанное. Члены временного штаба и Джефферсон, хлопая в ладоши в знак согласия со сказанным, кивали министру головами. Затем выступил Джефферсон и красиво рассказал о долге перед Родиной, о спокойном сне граждан и прочей чепухе. После небольшой паузы вышел Серёга и, расхаживая вдоль шеренги, произнёс:

– Бойцы! Друзья мои и братья! Сейчас все мы пойдём и уничтожим зверя в его логове. Да, это опасно. Поэтому приказываю не лезть на рожон без надобности. Сначала в окна бросаем шумовые гранаты, после чего в каждое окно сразу залезают по три бойца. Если увидите людей в помещении, которые не подняли руки вверх, немедленно уничтожайте их. Вот и всё. И последнее. Приказываю всем выжить! Все молодые. Вы ещё столько должны сделать в этой жизни!

Серёга подошел к Шону и, обняв его, прошептал:

– Держись, брат! Ведь у меня теперь появился новый друг!

Потом обнял Даниэла и весело сказал: – Сегодня вечером мы ещё выпьем с тобой за мир во всем мире!

Даниэл улыбнулся и ответил:

– А помнишь, командир, как мы пели «Вставай, страна огромная»? Я ещё помню слова!

– Сегодня вечером мы опять споем с тобой, друг мой! – проговорил Серёга, хлопнув его по плечу.

Потом он по очереди обнял Авдеенко, Голованова, Трофимова и Грязнова. Подойдя к членам штаба и повернувшись в сторону бойцов, громко произнёс:

– А теперь пойдём и надерём этим тварям задницы!

Все бойцы, подняв автоматы, издали одобрительные возгласы.

– Сотрудники службы оперативной деятельности проинформировали, что все пятеро находятся в известном доме, и пока они не разберлись по городу, здание необходимо штурмовать немедленно, – сообщил Джефферсон.

Серёга понимал, что имеющейся информации совершенно недостаточно. Неплохо было бы собрать сведения об остальных членах преступной группы, установить прослушку дома и только после этого принимать решение о штурме. Но что он мог поделать? Подполковник отлично знал, какое давление оказывается на министра внутренних дел и на Джефферсона, а потому предпочёл промолчать и больше не высказывать своего мнения.

VII

21 сентября в одиннадцать часов утра началась операция. Полицейские оцепили три ближайших квартала. Десять бойцов подразделения МИ-5 сидели в автобусе и ждали сигнала. Основная группа уже расположилась – по три человека у каждого окна дома. Замерев, бойцы ждали команды атаковать.

– Сократ! Я Беркут! – раздался в наушнике голос Авдеенко.

– Слышу, Беркут! – отозвался Серёга.

– Командир, все готовы! Можно начинать!

– погоди, Беркут! Куда спешишь, как голый в баню! Джефферсон должен отмашку дать. Он руководитель. Мы лишь исполнители. Ждём!

Через минуту в наушниках все услышали голос Джефферсона, и подполковник продублировал его команду:

– Атака, бойцы!

В окна полетели шумовые гранаты. Прогремело пять взрывов. Бойцы, выпрямившись, стали заскакивать в дом. В окно, находящееся ближе к входной двери, первым полез Серёга. Он всегда шёл первым, словно ища смерть, но до сих пор она обходила его стороной.

Спрыгнув с подоконника, он увидел человека, направившего на него пистолет. Прозвучал выстрел, и сильнейший удар в грудь, словно кувалдой, откинул подполковника к стене. Бронежилет выполнил свою функцию, и уже через секунду Серёга полил стрелка свинцовым градом. Тот, вскрикнув, откинулся на спину, выронил оружие и затих. Серёга боковым зрением заметил, как в разбитое окно за ним запрыгивают Авдеенко и Голованов.

– Жив, командир? – спросил кто-то из них.

– Жив! Жив! Вперёд! – крикнул Серёга и только сейчас, когда дым стал рассеиваться, заметил ещё одного че-

ловека, сидящего на полу в дальнем углу комнаты.

В каждой руке он держал по осколочной гранате Ф-1, а в зубах – чеку от одной из гранат. Глядя на бойцов, он нагло рассмеялся и, встав во весь рост, выкрикнул:

– Аллаху Акбар!

– На пол, бойцы! На пол! – что было сил заорал Серёга.

Прозвучал взрыв, и подполковник на мгновение потерял сознание. Очнувшись, он обнаружил своих бойцов мертвыми. Ещё он слышал стрельбу и взрывы в соседних комнатах, но что там творится, не видел.

Серёга медленно стал выбираться из-под кирпичей, мусора и остатков мебели. Он подполз к Авдеенко и перевернул его лицом вверх.

– Андрюха! Андрюха! – заорал подполковник, тряся тело друга. – Не умирай, брат! Не умирай!

Авдеенко не подавал признаков жизни. Осколок, разбив забрало шлема, попал ему в лицо. Кровь так сильно текла у него по лбу, что Серёга не питал уже никаких иллюзий по поводу его возможности выжить.

– Лёшка! Лёша, отзовись! Лёшка! – заорал Серёга, подползая к Голованову.

Тот, бездыханный, лежал на спине с широко открытыми глазами.

Выстрелы вскоре прекратились, и в комнату, где находился Серёга, стали заходить бойцы. Посреди помещения на обломках мебели и разбитых кирпичах на коленях стоял подполковник. По лицу его текли тёплые слезы. Вдруг из его груди вырвался крик. Это был крик отчаяния и боли, боли по потерянным друзьям.

– Ну почему опять я, Господи?! Почему опять я?! – заорал Серёга сжав кулаки. – Почему всегда я?! И в Афганистане, и в Чечне! И здесь опять я! Почему, Господи?! Все мои друзья уже у Тебя! Они ждут меня! Почему Ты так безжалостен ко мне?!

Бойцы молча смотрели, как подполковник прощается с друзьями.

– Командир! – прозвучал голос Трофимова.

Наконец, взяв себя в руки и успокоившись, Серёга вытер лицо и совсем тихо приказал:

– Доложи ситуацию, боец!

– Уничтожено семь террористов, командир! – доложил Трофимов.

– Говорили же пять?

– Говорили пять, а оказалось семь.

– Потери?

– Кроме Авдеенко и Голованова погибли ещё два бойца МИ-5.

– Ясно.

– Командир! – проговорил Трофимов, схватив за плечо подполковника.

– Ну?

– Двое погибших бойцов МИ-5 – это... Серёга не дал договорить Трофимову.

– Я чувствовал это, Илья, я чувствовал это. Шон и Даниэл?

– Да, командир... – опустил глаза Трофимов.

– Меня никогда никто не слушает, Илья. Никто и никогда. Нельзя было штурмовать. Необходимо было сначала собрать информацию и по возможности задержать их по одному, и не дома, где все они скопом...

– Командир! – проговорил подошедший Грязнов. – Вы весь в крови. И лицо поседело, и ноги, и шею.

– Разберемся, – выдохнул подполковник. – Все на улицу.

Грязнов и Трофимов взяли Серёгу под руки и вывели во двор. Остальные стали выносить тела террористов и бойцов. Террористов уложили с одной стороны дома, а погибших бойцов МИ-5 и группы «Альфа» – на траву с другой стороны. Накрыли простынями. Серёгу подвели к телам товарищей, и он, опустившись на колени, несколько минут плакал и что-то шептал.

– Молитву читает и просит дождаться его, – сказал Грязнов подошедшему Джефферсону.

– Нет, нет, смотрите, он держит Даниэла за руку и что-то тихонько напевает! – прислушавшись, ответил тот.

– Да, я слышу, – согласился Грязнов и, отвернувшись и закрыв рот рукой, чтобы не разрыдаться, срывающимся голосом произнёс: – Он поёт «Вставай, страна огромная!»

VIII

Приехали четыре машины скорой помощи. Серёгу и остальных раненых бойцов перевязали.

– Пренеприятно, конечно, – процедил подошедший Джефферсон. – Четыре бойца погибли. Уничтожено семь террористов. Откуда взялись ещё двое, ума не приложу.

– Я говорил, не время атаковать. Нужно было собрать больше информации, последить, – проговорил Серёга. – Да что уж теперь...

– Прости меня, Сергей Иванович, – поднял глаза Энтони. – Не всё рассчитали, да и давили на меня... премьер-министр и прочие...

– Не зуди, Энтони, и без тебя тошно, – оборвал его Серёга.

– Ваш самолёт завтра, Серёжа, в шесть утра. Твои бойцы пусть отдыхают, а тебя сейчас отвезут в больницу для осмотра. У меня же сегодня ещё куча дел. В три часа заседание правительства по вопросу внесения поправок в закон о борьбе с терроризмом. На заседании будут представлены поправки

к этому закону. Поправки и дополнения предусматривают слежку, прослушку и целый комплекс других оперативных мероприятий. Однако это все не пройдет, – проинформировал Энтони.

– Почему? – коротко осведомился Серёга.

– Потому что члены британского парламента считают, что все эти мероприятия нарушают права человека. Даю лишь пять процентов за то, что поправки будут приняты.

Серёга поднял глаза на Джефферсона.

– Хочешь, чтобы поправки к закону были приняты? – спросил подполковник.

– Конечно, хочу, Сергей Иванович, ведь это даст нам всем возможность намного эффективнее бороться с терроризмом. Но они не примут поправки.

– Возьми меня на заседание вашего парламента.

Джефферсон вопросительно посмотрел на Серёгу.

– Если хочешь, чтобы поправки были приняты, возьми меня с собой. Попрошу дать мне слово, и я скажу им нечто, что заставит их поменять своё мнение. Я в этом уверен.

– Но ты еле стоишь на ногах, Сергей Иванович! У тебя кровь сочится из ран. Тебе нужно в больницу!

– Я не поеду в больницу, – сказал Серёга. – Мне ребята помогут помыться и приодеться. Жду тебя в номере в два часа, Энтони.

Джефферсон хотел ещё что-то сказать, но Серёга опередил его:

– Они примут эти поправки, Энтони! Верь мне.

Оттолкнув врача и поманив за собой Грязнова и Трофимова, он уселся на заднее сиденье полицейского автомобиля.

– Джефферсон! – окликнул он Энтони. – Позвони в наше посольство и доложи консулу обо всём, что произошло. Ребят моих погибших приготовьте к перелёту. В цинковых гробах должны быть. Всех бойцов в цинковых хоронят.

IX

Неизвестно, каким чудом удалось Джефферсону достать пропуск для Серёги в парламент Британии. Ровно в три часа они вошли в зал заседаний. Парламентариев, конечно же, уже уведомили о событиях, произошедших сегодня в городе. Теперь все они с любопытством разглядывали Серёгу и Энтони Джефферсона, который, поддерживая подполковника, довёл его до трибуны, а сам встал позади него.

У Серёги было несколько осколочных ранений. Его голова, тело и нога были забинтованы. Кровь просачивалась

сквозь бинты. Чтобы придать Серёге более или менее респектабельный вид, его одели в белую рубашку с галстуком и впили в новенький чёрный костюм.

Парламентарии о чем-то разговаривали, указывая на Серёгу, но уже через минуту все стихло. Они с нетерпением стали ждать, что же такого особенного имеет сказать им раненый командир группы «Альфа». Русский боец в британском парламенте! Такое не каждый день увидишь. Все надели наушники, ожидая, что переводчик вот-вот начнёт переводить сказанное этим странным человеком.

– Ничего не получится, Серёжа, – тихонько сказал стоящий за спиной Джефферсон, – но я благодарен тебе за попытку.

– Несколько дней назад я прибыл в вашу страну, – в полной тишине начал, держась за трибуну, Серёга. – Я уже знал, что терроризм поднял свою поганую голову и здесь. И вспомнил Афганистан и Чечню, где когда-то воевал. Знаете, я даже позавидовал вам, увидев, в какой прекрасной стране вы живёте, и ужаснулся, что хотят с ней сделать террористы. Это что здесь, Афганистан? Или Чечня? Нет. Это спокойная, мирная страна. Сейчас мы с господином Джефферсоном ехали по городу, и я увидел женщину. Прекрасную молодую женщину, которая спокойно везла в коляске маленькую лялечку. Пока мы стояли на перекрёстке, я наблюдал за ними. Какая красивая маленькая девочка! Она смотрела на маму и беззаботно дудолила свою сосочку. Ведь она знает, что у нее есть папа и мама, что ничего страшного с ней не случится. Конечно, ни о каких террористах она не ведаёт. Знаете, я подумал, что каждый человек на земле должен испытывать такое чувство спокойствия и безмятежности. И для этого нужно совсем немного. Просто каждый должен добросовестно выполнять свою работу. Вот и всё. Если ты парламентарий, то должен принимать законы, нужные для общества, а если ты боец, поставленный для того, чтобы защищать людей, то должен идти и умереть за них. Каждый должен честно выполнять свой долг. Здесь, в Англии, я встретился и познакомился с настоящими людьми и назвал их своими друзьями. А потом они погибли, защищая свою страну, – запнулся от слёз подполковник, но уже через секунду, взяв себя в руки, продолжил: – Это сотрудники службы МИ-5 Шон Эйбрамсон и Даниэл Аддерли. Вместе с ними погибли и два сотрудника группы «Альфа» – Андрей Авдеенко и Алексей Голованов. Прошу всех парламентариев почтить память погибших!

В полной тишине все члены британского парламента поднялись и замерли.

– Благодарю всех! Прошу садиться! – произнёс слабеющим голосом Серёга. – Вы знаете, в Святом Евангелии сказано, что душа человека находится в его крови. Так вот, сегодня четыре человека положили души за вашу страну, за всех вас. Мне не так повезло. Но Господь сподобил и меня тоже пролить свою кровь за народ Великобритании. Это значит, что я тоже, как и погибшие ребята, оставил часть своей крови, а значит, часть своей души в вашей прекрасной стране...

Серёга стал медленно, морщась от боли, снимать пиджак. Джефферсон подсуеился, чтобы помочь ему. Все бинты насквозь пропитались кровью, и белая рубашка стала ярко-алой. По парламенту пронёсся сочувственный гомон.

– Когда я вернусь в Россию, каждый осколок гранаты в моём теле постоянной болью будет напоминать мне о моих погибших британских друзьях. Я очень горд, что имел честь сражаться с ними бок о бок! Теперь я сожалею лишь об одном. Вчера мы вместе с ныне погибшими сотрудниками МИ-5 Шоном Эйбрамсоном и Даниэлом Аддерли хорошо отдыхали и много говорили о законах, которые необходимо принять. Мои погибшие друзья говорили мне, что в британском парламенте некоторые депутаты не хотят принимать поправки к закону о борьбе с терроризмом. Да, эти поправки предусматривают слежку и прослушку квартир и телефонов, а также дают много других козырей органам внутренних дел, расследующим преступления данного вида. Да, иногда это нарушение конституционных и других прав граждан, но если не принять эти поправки, будет хуже и хуже. Я хочу попросить вас сделать всё, чтобы та женщина, которая сегодня везла в колясочке свою маленькую доченьку, осталась жива и здорова. Дайте шанс ее доченьке вырасти и не бояться за свою жизнь. Пусть она вместе со своей мамой и дальше чувствует себя в безопасности. Ведь столько людей стоят на страже правопорядка. Это и бойцы МИ-5 и вы, парламентарии. Заканчивая, я хочу сказать, что не верю, что хоть один из вас сегодня поднимет руку, голосуя против принятия поправок к закону о борьбе с терроризмом. Я действительно не верю в это. Сделайте, пожалуйста, всё, чтобы мои друзья британцы больше не погибали. Простите меня.

Джефферсон подскочил к слабеющему подполковнику и, обхватив его за талию, помог выйти из зала.

Парламентарии провожали их стоя громом аплодисментов. Надо ли говорить, что заседание прошло без сучка

без задоринки. Поправки к закону были приняты единогласно уже в первом чтении.

X

22 сентября 2002 года в шесть часов утра в аэропорту Хитроу в небольшой самолёт загрузили два цинковых гроба с останками сотрудников подразделения «Альфа», накрытых флагом Российской Федерации. Серёга вместе с Трофимовым и Грязновым сел впереди, рядом с пилотом.

– Дочку видел? – спросил Грязнов Серёга.

– Да как-то не успел, командир, – отрапортовал тот. – Всё так быстро произошло. Но по телефону пообщались.

– Ну и ладно, – вздохнул Серёга. – Ну и ладно.

XI

Две недели Серёга пролежал в госпитале, пока хирурги вытаскивали из его тела осколки гранаты Ф-1.

Наконец он вернулся на работу. Зайдя в свой кабинет, смахнул пыль с папки, в которой лежал его рапорт об увольнении. Разговор с генералом был долгий. Как и следовало ожидать, тот никак не хотел отпускать его на пенсию. Однако через полтора часа из кабинета генерала вышел улыбающийся Серёга, держа подписанный рапорт об увольнении.

– Отдайте в канцелярию, Люба, для подготовки приказа, – обратился он к секретарше, подавая ей рапорт.

В этот же день он сдал оружие и прочую атрибутику. «Вот жена-то обрадуется», – подумал он.

Серёга почувствовал такую лёгкость, будто камень упал с плеч. Ему так захотелось сделать для жены что-нибудь приятное. Засунув руки в карманы брюк и посвистывая на ходу, он возвращался домой в прекрасном настроении. Сегодня он точно удивит жену. В кармане у него лежало два билета на мюзикл по роману Вениамина Каверина «Два капитана» с экзотическим названием «Норд-Ост».

23 октября 2002 года в дом культуры ОАО «Московский подшиппник», держа супругу под руку, зашёл подполковник в отставке, пенсионер Лютый Сергей Иванович.

– После спектакля пойдём в ресторан, я заказал столик, – гордо сообщил он жене.

– Да что ты? – искренне изумилась супруга. – Ты не перестаёшь меня удивлять, муж мой. Неужели Господь услышал мои молитвы? Неужели мы теперь заживём спокойно?

– Заживём! Даже не сомневайся, хорошая моя! – прошептал ей на ухо Серёга и, нежно поцеловав, повёл в зал.

Кто из зрителей чудесного сериала «Ликвидация» не восхищался идеальным, но при этом совершенно живым и обаятельным одесским милиционером Давидом Гоцманом? Да, с одной стороны, он – лишь вымышленный художественный киногерой, но с другой – собирательный документальный образ, составленный из многих кусочков реальности, фрагментов службы и жизни настоящих его одесских коллег. И мой дедушка – один из них.

По стечению обстоятельств я впервые пришёл в здание Одесского УМВД летом 2008 года, как раз вскоре после триумфального выхода на экраны «Ликвидации». Чуть ранее я заинтересовался генеалогией и взялся за изучение истории семьи именно с папиного отца, умершего задолго до моего рождения, – единственного из дедушек-бабушек, кого я не застал на этом свете, не держал за руку, не слушал рассказов о жизни...

Сначала работники управления посоветовали обратиться в музей УМВД, а тамошние ветераны сразу с интересом спросили, кто из родственников служил в милиции, но окончание моего ответа: «Дедушка Давид Го...» потонуло в громовом хохоте. «Ещё один!» – воскликнули отставники, и это надо было понимать как «ещё один сын лейтенанта Шмидта». Я тоже посмеялся, представив себе, сколько «потомков Гоцмана» появлялось здесь за последние месяцы. Но не воспользовался возможностью поиграть: «Чуть мимо, всё-таки Гольберг». Ветераны, насмеявшись, извинились и связали меня с архивом отдела кадров.

Там, к своей радости, я узнал, что личное дело моего деда в полной целостности и сохранности, и после соблюдения формальностей получил доступ к нему. Надо признаться, что мой отец и его брат мало что знали и могли поведать о службе отца. Они были ещё подростками, когда тот ушёл из жизни в возрасте всего 51 года, а пацаны ведь считают историю скучной материей и любят послушать героические эпопеи и захватывающие детективы только от тех, кто умеет красиво рассказывать. Дедушка не умел. Но личное дело говорило вместо него.

Свою судьбу Давид Гольберг связал с милицией уже не юным парнишкой, а 28-летним мужчиной, и достаточно неожиданно для себя. Он был обычным местечковым евреем, выросшим на севере Одесской области в семье мелких предпринимателей. Лишившись когда-то исторической родины, евреи практически перестали заниматься земледельческим трудом, их делом стали торговля, ремесло, промыслы. Вот и отец Давида арендовал помещицью мельницу и трудился на ней сам, дядя на паях с зятем открыли маслобойку и тоже сами работали там не только головой, но и руками.

Семейная и личная история всегда неотделима от истории страны. Тяжкие годы революций, мировой и Гражданской войн были полны несчастий в семье Давида: погиб старший брат, умерли от тифа мать и брат младший, едва выжил он сам, остался инвалидом отец. Давид Гольберг, успев

отучиться в школе 5 лет (это было чем-то средним между начальной и гимназией), был вынужден в 15 лет взяться за чёрную работу. Но наступившие годы НЭПа дали местечку распрямить спину, евреи снова смогли вернуться к своим привычным делам. А Давид стал помогать дяде на маслобойке, работал приёмщиком зерна на мельнице, тогда же отслужил срочную в РККА.

Однако 1928 год принёс новые перемены, советское государство решило покончить с НЭПом и перейти к индустриализации и коллективизации. Частным местечковым предприятиям места в новой реальности не нашлось, и евреи стали разъезжаться кто куда. Давид отправился в Одессу, тогда ещё жемчужину юга, правда, изрядно потускневшую за последние десять лет от невзгод, среди которых был и невиданный ранее расцвет преступности. Дедушка брался за любую работу по знакомой ему части, пытался поступить на маслозавод, мельзавод, но его брали лишь разнорабочим. Безработица и криминал приобретали угрожающие масштабы под наплывом разношёрстной публики, бегущей в большие города. В это время Давид встретил свою любовь – мою бабушку, они поженились, и стало ясно: пора наводить порядок не только в личной жизни, но и вокруг неё.

Весной 1929 года Давид Гольберг принял присягу и вступил в ряды одесской ведомственной милиции, его 7-й отряд охранял и сами предприятия, расположенные в районах Балковской, Бугаёвки, и общественный порядок на их территории. Довольно быстро новый милиционер завоевал доверие товарищей – с 1931 года отряд неизменно выбирал его председателем месткома.

Семья росла, родились два сына, после девяти лет службы Давида Гольберга предоставили целую комнату в коммуналке в центре города на Конной улице, и он перевёлся в 4-е отделение милиции – поближе к новому жилью.

Увы, личное дело – сухой сборник сугубо деловых документов, в нём нет описания красочных сцен на местах преступлений, увлекательных погонь, задержаний, громких фраз, крови и слёз – нет кинематографичности. Зато есть скупые слова характеристик: «Относится к служебным обязанностям честно и добросовестно... Аккуратен, дисциплинирован, выдержан... Задания выполняет с проявлением инициативы...» Уверен, что это – не просто штампы, так оно и было на самом деле.

Увлекаясь историей в целом, я интересовался и прошлым той части центра Одессы, где жил в 2000-х годах. Прямо напротив моего дома постройки XIX века по переулку был склад – площадки для стройматериалов и одноэтажные сараи. Мне удалось выяснить, что на протяжении почти ста лет на его месте существовал Немецкий клуб, перестроенный общиной одесских немцев в начале XX века по красивому проекту в стиле модерн. В раннее советское время он использовался различными общественными организациями, а перед Великой Отечественной

стал клубом одесской милиции. Каково же было моё удивление, когда в деле дедушки я увидел среди мест его службы должность начальника клуба в 1939 году! Судьба свела нас с дедом на расстояние 20 метров, окна в окна, но с разницей в 60 лет. Только бывший немецкий клуб был уничтожен фугасной бомбой люфтваффе в конце лета 1941 года.

Война началась вскоре после перехода Давида с должности участкового в городское управление, он стал помощником инспектора исправительно-трудовых учреждений. В июле одесская милиция сформировала несколько истребительных батальонов для борьбы с диверсантами, пособниками врага и дезертирами, дедушка вступил в один из них 20 августа 1941 года. А вскоре сводный полк НКВД вошёл в состав Приморской армии, героически оборонявшей Одессу, в самый разгар отступления Красной Армии по всему фронту. С первых чисел сентября Давид сражался на передовой, а 2 октября был тяжело ранен под Сухим Лиманом. Затем – эвакуация в Крым, оттуда – на Кавказ и возвращение в строй в начале 1942-го.

Далее всю войну до Победы Давид Гольберг служил в составе 8-й Военно-автомобильной дороги. Он был начальником караула дорожно-комендантского участка – охранял военные грузы, наверное, ловил шпионов и диверсантов, нарушителей порядка. Как теперь точно узнать? Война унесла с собой немало архивов. А Давид остался жив, пройдя Сталинград, Воронеж, Курск, Белоруссию, Польшу, Германию.

Вернувшись в Одессу, дедушка стал инспектором отдела ИТУ города, исполнял офицерскую должность, будучи всего лишь старшим сержантом. Не хватало ему нужной образовательной «корочки», зато жизненных университетов было вдоволь. Но эти нелёгкие, пройденные им «курсы» забрали ещё и немало здоровья. В 1951 году Давиду Гольбергу предложили выйти в отставку, в этом сыграли свою роль и его возраст, и национальность. А когда он отказался, стали выживать – перевели инспектором самого удалённого района Одесской области. Дедушка боролся, подавал рапорты, опротестовывал несправедливое решение, но здоровье его ухудшалось. Пользуясь этим, руководство направляло Давида на одну медкомиссию за другой, наконец, его признали негодным к дальнейшей службе и уволили. Он очень переживал, возможно, это его и добило – всего через восемь месяцев после отставки сердце Давида Гольберга остановилось. Он ушёл в свой сводный полк – Бессмертный полк истребителей преступного зла.

Наверное, жизнь одного простого милиционера совсем не тянет на сериал, но образ Гоцмана блеснул звездой на небе только потому, что впитал судьбы десятков тысяч таких, как мой дедушка Давид Гольберг.

Таллинн-Одесса
Июль 2023 года